

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ЭЗОТЕРИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

У

Ф

Х

Ц

Ч

И т е р а т у р н ы й

А л ь м а н а х

Н а р о д а З в е з д ы

В ы п. 5. MARGOLENNON
(П Р О З А)

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 5.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Copyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградский
эзотерико-информационный центр
«93 in 39», 2010;

а также авторы журнала:

MargoLennon
проза

Выдра Перебирает Вампум
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:

Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.

<http://alther.narod.ru>

<http://apokrif93.a-z-o-t.com>

E-mail: 93in39@gmail.com

За помощь в корректуре
выражаем признательность
Samurai (Киев).

Βαργό Λέννον

(ΠΡΟΣΑ)

...А ночью пошёл дождь...

...А ночью пошёл дождь. Дождь, очищающий и смывающий грязь с тела и души, но дающий облегчение лишь на какое-то время, чтобы потом ещё сильнее ощутилась некрасота и дисгармония этого мира и себя самого в частности. Этот дождь заставляет вспомнить все нереализованные желания, всё плохое, что уже случилось и что ещё только случится — став причиной новых дождей. Он покажет тебе, кто ты есть, и как это далеко от того, кем хотелось бы быть. Он в красках покажет тебе твоё одиночество — но краски эти будут лишь оттенками серого, хотя ты воспримешь их как все цвета радужных переливов. Этот дождь придёт внезапно, когда ты его меньше всего ждёшь и меньше всего к нему готов, и так же уйдёт — внезапно прекратившись, по-английски, не прощаясь, и оставит тебя наедине со всем тем, что он всколыхнул в твоей несчастной, истерзанной душе, и теперь ты будешь ждать его, но он не придёт.

И имя этому дождю — Слезы.

Верх и низ

— Улыбнись.

— Не хочу.

— Почему?

— Не хочу и всё. Не видишь, я занят. Отстань.

— Ты всё время занят.

— Я занят ДЕЛОМ, очень важным и нужным.

(Звучит запись ДДТ «Конвейер»)

— «1240 дырок просверлил за смену я...»

— Выключи эту дрянь. Она мне мешает.

— А мне мешает то, что ты гробишь себя над никому не нужным делом.

— Оно очень важное и нужное.

— Да, и кому же???

— Мне... тебе... да всем!

— «Задохнётся общий рынок в дырках нашего поля...»

— Мне твоё дело не нужно. Хотя раз в жизни подними голову, оторвись от созерцания своих 1240 дырок! Посмотри, какое яркое солнце! Какое синее небо! Как хорошо поют птицы!

— Где ты увидела солнце? На улице дождь. Откуда ты взяла небо? Небо закрыто тучами. Где ты видела поющих птиц? Только помойные воробьи да голуби, ворон и тех не осталось.

— За любимыми тучами есть яркое солнце и голубое небо. В любом грязном голубе есть райская птица. Неужели ты не видишь?

— Ничего я не вижу. Погода мерзкая, а тут ещё и ты мешаешь мне работать.

— Подними голову! Посмотри на меня! За неделю ты взглянул на меня всего один раз!

— Я занят.

— Ты это придумал.

— Это придумал не я, а кто-то другой.

— Ты занят, кто-то другой занят, значит, это придумал кто-то, кто выше всех на этой лестнице. Выше всех солнце. Но оно не придумало этих правил, законов... Это вы сами себе придумали, чтобы не смотреть на него. Смотри на меня! Я разогнала тучи, убрала дождь, и по улицам летают райские птицы. Смотри!

<он выглядывает в окно, не глядя на неё>

— Нет. Ты врёшь. Всё так же. Идёт дождь, и гадят голуби.

— Ты просто не хочешь это видеть. Я же вижу солнце, чувствую его лучи! Смотри, мои руки светятся!

<он смотрит на неё>

— Нет. Это просто освещение.

— Закрой глаза, глазами ты можешь видеть только свои дырки. Смотри сердцем.

— Глупость какая-то. Как я что-то увижу, когда мои глаза закрыты?

— Попробуй. У тебя получится. Стоит только захотеть.

<он закрывает глаза на секунду>

— Я ничего не вижу. Это всё твоя фантазия.

— Нет! Попробуй ещё раз. Забудь о дырках, забудь о дожде, забудь обо всём! Просто УВИДЬ!

<она берёт его руку в свою и кладёт себе на сердце>

— Смотри моим сердцем. Видишь?

<он закрывает глаза и сначала недоверчиво, а потом радостно смотрит на неё>

— Я вижу... ты светишься! Что это? На улице нет дождя... Нет домов... летают какие-то диковинные птицы и поют чудные песни о любви... С неба льётся солнечный свет... Что это? Где мы?

— Мы всё тут же, мы никуда не перешли... Просто теперь ты смотришь сердцем. Я всегда вижу всё именно так. И ты тоже светишься изнутри.

<он открывает глаза, отнимает руку и недоверчиво смотрит на неё>

— Нет. Это сон. Просто сон. Надо крепче спать. Так не может быть.

— Закрой глаза и смотри сердцем.

— Это просто фантазии!

— Но ты же видел!

— Нет. Это мне приснилось.

<она хитро улыбается, в её глазах мелькают весёлые искорки>

— Ах, так? И это тебе тоже снится?

<она поднимается над полом и преобразается. Её волосы рассыпаются по плечам, и она становится пронизанной светом, который бьёт изнутри неё. У неё вырастают крылья за спиной, и она взмывает под потолок, который тоже пропадает. Нет ни крыши, ни верхних этажей, только небо, голубое, ясное, манящее. Он наблюдает за ней, потом медленно поднимается за ней, сначала неуверенно, потом всё быстрее и быстрее, и так же преобразается>

— Я понял! Я вижу! Я чувствую это! Что это?

— Это твоя душа.

— Неужели моя душа такая же, как и ты?

— Конечно, ведь я, и ты, и все другие люди — одно целое.

<они поднимаются к небу, она берёт его за руки>

— А как же моё дело? Нет, я не могу уйти.

<в этот момент небо становится тёмным, и через несколько секунд его уже нет. Она пытается удержать его>

— Нет! Ты же ВИДЕЛ это!

<он падает на место за столом и теряет сознание. Через час он приходит в себя>

— Что это было? Почему так болит голова и ноет сердце? Где она?

<он бродит по комнатам и зовёт её, не находит и возвращается обратно. Садится в кресло и роняет голову на руки>

*

— Ты видишь меня?

— Где ты? Почему я не вижу тебя? Куда ты делась?

— Я в твоём сердце. Когда ты сможешь видеть сердцем, ты увидишь меня.

— Но я не смогу этого сделать!

— Сможешь. Ты просто не хочешь. Не говорю тебе «Прощай», лишь говорю я «До свиданья». Когда-нибудь мы встретимся.

— Куда же ты? Постой! Я не смогу жить без тебя!!! Не уходи! Не покидай меня!

*

THE END

Вечный сон

Ты спишь всю свою жизнь, от дня зачатия до полной стадии разложения. Твои глаза закрыты — твои внутренние глаза, которые видят всё изнутри. Спокойной ночи. Ты не хочешь Видеть. «Мои закрытые глаза не видят ничего. Открыв их, я увижу, что всё надо исправлять, и, чего доброго, ещё начну что-то делать. Не-ет, лучше жить спокойно, хоть и в полном дерьме», — вот твои мысли. Спокойной ночи.

Вечный сон — самый лучший выход для настоящих людей.

Видящая

Эния шла по улице, время от времени зябко поводя плечами. На дворе был сентябрь, но было холодно, дул промозглый ветер, который, казалось, старался разделить все молекулы, из которых состояло её тело. Куда и зачем она шла, Эния не знала. Просто сидеть дома ей не хотелось, вообще не хотелось говорить с кем-либо. Хотя нет, говорить-то ей хотелось, но ей хотелось быть понятой, а этого ожидать было не от кого.

Пройдя ещё несколько метров, Эния села на обшарпанное крыльцо какого-то старого дома, где не было заметно следов жизни. Она обхватила колени руками и сжалась в комочек, пытаясь согреться.

«И что я тут забыла? — подумала она. — Холодно, мерзко, противно... Эния, сейчас же поднимайся и иди домой!» — приказала она себе, но сама прекрасно знала, что никуда она не пойдёт, а будет сидеть на этом крыльце и думать обо всём на свете, стараясь не вспоминать, что надо возвращаться.

«А надо ли? — вдруг пронеслось в голове. Эния поймала мысль за хвост. — Надо ли возвращаться? Дома мама, которая вечно суёт нос в твои дела, да ладно бы только твои, но и всех твоих знакомых. Уроки, чтоб их чёрт побрал... А завтра с утра опять вставать ни свет ни заря после бессонной ночи, идти на этот промозглый холод и топтать в школу, где дебилы и приевшиеся морды одноклассничков, как в каком-то странном калейдоскопе, будут складываться в омерзительные усмехающиеся рожи... Как же это всё надоело!»

Эния размышляла бы в этом радостном ключе, пока не замёрзла бы окончательно, но вдруг её мысли, как молния, пронзила страшная боль в висках. Эния схватилась руками за голову. Создалось ощущение, что кто-то пытается изнутри просверлить её череп, чтобы выбраться наружу. Это продолжалось несколько секунд, которые показались Энии вечными, после чего прекратилось так же неожиданно, как и началось. Девушка помотала головой, пытаясь окончательно прийти в себя.

«Ну ничего себе глюк! — подумала она. — Меньше надо по холоду шляться, заболело ещё, хрен вылечат».

Пошатываясь, она встала и пошла по направлению к дому, но на середине пути она вспомнила, что на том крыльце остался пакет с Милькиной книжкой про Битлз. Книжка была раритетная, Миле её привезли из Англии, и Энии была выдана на два дня под честное слово. Развернувшись, Эния побежала обратно, надеясь, что за те десять минут, что она шла, никто не подошёл к крыльцу и не забрал книжку.

Её надежды сбылись. Зайдя за угол, Эния сразу заметила, что яркий пакет стоял на крыльце по-прежнему. От радости она прибавила шагу ещё, несмотря на то, что и так почти бежала. Вдруг опять вернулась та же непонятная боль, от неожиданности её нога попала в выбоину на асфальте и девушка растянулась, больно ушибив колено, после чего Эния осознала, что боль в голове прошла. На земле валяться было неприятно, она вскочила и, прихрамывая, подобрела к крыльцу. Усевшись на крыльцо и запихнув пакет с книгой в сумку, она стала подсчитывать потери. Джинсы были разорваны

каким-то добрым камешком, что во множестве торчат из русского асфальта, на ноге в прореху красовалась внушительных размеров царапина, вокруг было ещё несколько поменьше. Эния тихо выругалась.

— Вам помочь? — услышала она голос сзади себя.

Оглянувшись, она увидела, что с другой стороны крыльца сидел какой-то юноша, и его глаза ясно просили её убираться побыстрее и не мешать человеку грустить в гордом одиночестве.

— Лучше не мешай, — огрызнулась она.

И так настроение было ниже среднего, а тут ещё и этот «полёт кондора», и какой-то пипл занял её крыльцо.

— Ну как хочешь, — сосед отвернулся, и, видимо, опять погрузился в свои раздумья.

Энию это не сильно заботило. Она достала из сумки бутылку выдохшейся минералки, полила грязное колено. И без того не очень чистые джинсы стали напоминать наряд бомжей, но Эния хотела только одного — добраться до остановки. В конце концов, она Хиппи, хоть и мрачная, плевать, что там люди подумают. Эния оглянулась: пипл с другой стороны крыльца уходит и не думал. «И хрен с ним», — подумала она, откинула голову, прислонилась к стене и закрыла глаза, надеясь на то, что царапины подсохнут побыстрее, и она сможет хоть как-нибудь ходить, потому что пока это было не очень легко и приятно. За неимением лучшего занятия Эния продолжила свои грустные мысли.

«И хрен бы с ними, пусть им на меня плевать, не больно и надо. Но почему они всегда говорят не то, что думают? Никогда не знаешь, что от них ожидать. Только думаешь — всё нормально, как оказывается, что тебе уже сделали новую гадость. Классно, наверное, видеть будущее, знать чужие мысли... Жаль, что мне этого не дано. Хочу это уметь!»

— Хочешь читать мысли и знать будущее? Ты в этом уверена? — вдруг заговорил юноша на другой стороне крыльца.

От неожиданности Эния вздрогнула.

«Наверное, просто думала вслух», — решила она.

— Ну, допустим, а что? — не очень приветливо ответила она.

Всё-таки не очень это приятно, когда без спросу лезут тебе в душу!

— Теперь ты — Видящая, — ответил он. — Я не виноват, что мне сказали исполнить твоё первое желание.

— Чего? — повернулась она.

Нечасто с ней заговаривали люди на улице, а тем более таким образом.

— Видящая. Трудно тебе придётся, слишком ранимая ты. Нельзя тебе столько знать и столько видеть, но что поделать? — «объяснил» пипл.

«Разумеется, всё понятно», — мысленно съязвила Эния.

— А разве нет? — удивился сосед. — Ну, извини, не умею объяснять, потом сама поймёшь. А потом, может, и ты объяснять будешь, но тоже не поймут.

Эния решила не обращать внимания на странного субъекта. Мало ли странных людей? People are strange, как пел Моррисон, тоже, кстати, не самый нормал. Она встала, подняла сумку, которая, казалось, потяжелела

килограммов на десять, и побрела к остановке. Пройдя дом, у которого она сидела, Эния оглянулась, чтобы увидеть лицо субъекта на крыльце, но там никого не было. Девушка удивлённо похлопала глазами. «Он же не уходил, я точно знаю! Да и куда он мог деться за три секунды? Ну и глючный сегодня день!» — подумала она.

*

К февралю Эния свыклась с мыслью, что она — Видящая. Но было трудно. Знать будущее — своё и других, — знать, правду они говорят или нет, знать их мысли, которые они и сами-то не знали, — Энии казалось, что она сходит с ума, если ещё не сошла. Иногда она пыталась найти таких же, как она, но они, видно, хорошо конспирировались под нормалов. Одиночество почти довело её до самоубийства, потому что быть не таким, как все — это очень тяжкий грех по отношению к обществу. Друзья отвернулись от неё — трудно общаться с человеком, который всегда заранее знает, что ты ему скажешь и что сделаешь!

Однажды Эния сидела на крыше. Её взгляд был зафиксирован на трубе дома напротив, но она её не видела. Эния вообще ничего не видела вокруг себя, она смотрела внутрь себя, пытаясь найти тот переключатель, который мог бы сделать всё «как раньше», но, увы! Его не было.

Она посмотрела на дорогу. По дороге ехала одинокая белая машина. Эния уже знала, что далеко она не уедет, потому что врежется в другую, чёрную, припаркованную под неработающим фонарём и потому невидимую. Раздался грохот, крики, вой сигнализации. Эния встала, улыбнулась, шагнула вперёд...

В пламени свечи

В пламени свечи можно увидеть очень многое. Глядя на него, глядишь в свою душу. Хорошо думать в комнате, где весь свет исходит от пламени свечи.

Я сижу в такой комнате. Рядом со мной свеча. Её огонёк колышется от моего дыхания. Странная картина: дубовый стол конца позапрошлого уже века, перьевая ручка, свеча и... компьютер.

За окном воет ветер, как жалкая, раненая и брошенная сородичами гиена. Ярость её порвала провода, поэтому я сижу в комнате со свечой и пишу этот рассказ.

Ветер крепчает, пытается смести всё, что неисповедимыми путями оказалось на его дороге, но раны старой гиены не дают сделать желаемого, и он может лишь выть как безумный и рвать провода, заставляя людей в XXI веке оторваться от экрана, зажечь свечу, вспомнить, как пишутся буквы, и начать, наконец, думать.

Пламя свечи похоже на перевёрнутое сердце. Глядя на него, ты переворачиваешь своё сердце кверху ногами и вытряхиваешь всё оттуда, каждую мелочь из складок, чтобы потом положить всё, идеально упорядоченное, на место.

Быть может, так писали Тургенев и Пушкин, Дюма и Уайльд... Писали пером, приятно поскрипывающим при соприкосновении с бумагой, а рядом догорали свечи, и их пламя было костром в лесу для усталого путника, огнём в камине баронессы, пожаром в городе...

Пламя горит изнутри свечи и съедает её всю, как весна съедает слабые тела, как любовь ест души и сердца...

А ветер воет. Гиена на последнем издыхании, и горе тому, кто осмелится в этот неурочный час выйти на улицу, приблизиться к ней. Одним ударом лапы ветра он будет сбит с ног, свален в снег и растерзан — ведь недобитый зверь намного яростнее борется за свою жизнь...

Свеча всё горит, а ветер уже замолчал. Лишь труп гиены остался лежать на девственно чистом снегу.

Но вот под потолком загорается лампочка. Тайна, окутывавшая комнату, исчезает.

До следующего трупа гиены.

В погоне за красотой

Жил был один художник — такой параноидо-суицидальный тип, рисовавший мрачные, тёмные картины. Но, как ни странно, они пользовались спросом и хорошо расходились. Многие ему завидовали, как же: такой молодой, талантливый, красавец, да ещё и деньги сами рекой в карман текут, знай себе картинки малой да выставки устраивай. Художник же был довольно мрачным типом. Другой бы знай себе радовался такому положению дел, но этот человек не видел ничего хорошего и всё время говорил, что в один прекрасный день он порежет себе вены и положит конец этому безобразию под названием жизнь. А всё потому, что слишком мало в ней красоты, столь дорогой ему. Он даже пытался сделать это несколько раз, но всё время его спасали и возвращали обратно в этот мир.

Однажды пришёл к нему друг. Они сидели в зале и пили коньяк, когда друг спросил Художника:

— Вот ты так не любишь этот мир за то, что в нём мало красоты. А ты хоть раз думал, как ты будешь выглядеть, если убьёшь себя? Поверь мне, это отвратительное зрелище. Ты хочешь, чтобы этот мир стал ещё немного уродливей?

Художник задумался: раньше он не замечал этого аспекта. Через несколько дней он позвонил своему другу и сказал:

— Ты прав. Резать вены — это некрасиво. Но я найду другой способ, обязательно найду.

Друг смешался: он-то думал, что отбил охоту у Художника накладывать на себя руки. Он не нашёл, что ответить.

Следующие несколько недель Художник провёл в размышлениях. Он почти не подходил к мольберту, где стояла незаконченная картина, которую он в душе считал шедевром, той работой, которая стала бы лучшей среди всех, что он создал. До этого Художник отрывался от полотна только на несколько часов, чтобы поесть и поспать, но теперь мысли о том, как уйти из жизни, захватили его разум целиком и полностью. Он и раньше размышлял об этом и пришёл к выводу, что хочет забрать собственную жизнь сам, о чём не замедлил объявить всем друзьям и знакомым. Но теперь он думал ещё и о том, как бы сделать, чтобы его тело после смерти выглядело так же красиво, как и при жизни? Эта задача была трудной, хотя и не казалась таковой. Художник нашёл фотографии людей, умерших различными способами, но ни один из них не казался ему подходящим.

Прошло несколько лет. Художник уже давно не писал картин: вдохновение пропало, да он и не искал его, другой поиск владел им. Немногочисленные и раньше друзья оставили его, что неудивительно: сложно оставаться другом человека, который говорит только о своём самоубийстве! Он запустил себя, запустил дом. Денег, которые он успел выручить за продажу картин в расцвете славы, ему хватило бы ещё на три жизни, но он их почти не тратил. Только домработница, приходившая несколько раз в неделю, слегка прибирала в комнатах и заставляла его что-то съесть.

А ещё через год Художника разбил паралич. Он потерял разум и способность двигаться, а вскоре и речь, но оставался жить: здоровый организм не сдавался, — и ещё восемь долгих лет он провёл в больнице, а потом в доме престарелых: дома заботиться о нём было бы некому.

Когда он, наконец, умер, общественность всколыхнулась. Была устроена выставка в одной из главных галерей столицы, многие газеты и журналы опубликовали его интервью и статьи о нём, люди хвастались друг перед другом знакомством с ним. Художнику же было уже всё равно. Он лежал в своём гробу. Его невидящие глаза были направлены в небо: их забыли закрыть, и редкие облака отражались в его зрачках.

Очевидцы говорят, что сразу после смерти он выглядел отвратительнее некуда.

День рождения

— Счастливо оставаться! Позвоним, поздравим! — всё ещё слышались крики из окна поезда, весело катившего навстречу садившемуся солнцу.

Марта улыбнулась, ещё раз помахала рукой и пошла с перрона. Конечно, неприятно, когда друзья уезжают прямо накануне твоего дня рождения, да ещё и так неожиданно, но что поделать — так уж получилось.

Марта посмотрела на часы. «Полвосьмого — ещё не поздно съездить к Алине, а то телефона у неё нет, как ещё пригласить?» Марта направилась к остановке. Ехать нужно было на другой конец города, поэтому неплохо было бы, чтобы автобус пришёл побыстрее. Но, казалось, автобус это знал и поэтому не торопился, пришёл только через полчаса, чем слегка подпортил Марте обычно приподнятое настроение.

К френде Марта добралась только через час. Уже стемнело, поэтому она решила не засиживаться: «Только скажу, во сколько, и поеду обратно, а то и дома ещё убраться надо, да и не хочется по темноте шляться, мало ли что!» Так она думала, идя от остановки до дома Алины.

«Дз-з-з-з!» — звонок прорезал мирную тишину уютного дворика. Дверь открыла Алинина мама.

— Здравьете, а Алина дома? — поинтересовалась слегка удивлённая Марта. Обычно Алька всегда открывала дверь сама.

— Нет, она уехала вот только сегодня утром, всё сокрушалась, что тебе передать не может... У тебя, вроде, день рождения скоро, да? — Алькина мама была, как обычно, разговорчива.

— Завтра... А когда она вернётся? — с надеждой в голосе спросила Марта. «Что-то всё как-то лево складывается... Хотя, может, приедет ещё до завтра-то?»

— Да не знаю, как получится. У родителей она моих, помочь им надо. Она сказала, что сразу к тебе пойдёт, как только вернётся, так что жди! — ободряюще улыбнулась родительница.

— Хорошо... Спасибо, до свиданья... — растерянно пробормотала Марта.

— До свиданья, до свиданья! Приходи! — дверь закрылась, оставив девушку на пороге.

«Интересное кино получается, — думала она по дороге обратно до остановки. От прежнего радужного настроения не осталось и следа. — Если ещё и Лада не может прийти, то этот день рождения я проведу в гордом одиночестве! Ничего себе перспектива! Вот почему так: в прошлом году я ничего не планировала, так припёрлись все, кто мог, и даже кто не мог, а в этом всё запланировано за неделю, а вот оно как получилось... Ну почему со всеми моими планами так?!»

*

До дома Марта добралась без приключений. Открыла дверь, пощёлкала выключателем, но свет не загорелся. «И хрен с тобой», — подумала Марта, прошла в комнату, плюхнулась на кровать и набрала номер Лады. После

двенадцати длинных гудков до неё дошло, что у той дома никого нет (и её самой в частности). Марта чертыхнулась: «Неужели мне и вправду придётся сидеть в день рождения одной, да ещё и без света?!»

— Зато убираться не надо! Марта, ну подумай, день рожденья! У тебя их столько ещё впереди! Не расстраивайся! — сказала она себе вслух, пытаясь улыбнуться. Но улыбнуться получилось как-то хило, да и с «не расстраиваться» были явные траблы. Марта ещё подёргала выключатель, а потом завалилась спать.

*

Проснулась Марта, как обычно, около одиннадцати утра. Повалевшись немного, она пошла на кухню пить кофе. «Зато готовить не надо, раз одна будешь праздновать, тоже плюс», — подумала она, пытаясь хоть как-то себя подбодрить — настроение оставляло желать лучшего. Попытка поставить чайник ничего не дала — света по-прежнему не было. Марта вытащила из закровов Родины старый металлический чайник, сполоснула его под краном и поставила на плиту. На улице накрапывал мелкий дождик, из тех, что идут сутками одинаково мерзко-монотонно. «Погодка как раз под стать», — хмыкнула Марта, сидя на подоконнике и смотря в окно, пока закипала вода. Она попробовала позвонить Ладе ещё раз, но у неё по-прежнему никого не было дома. Делать было нечего, безделье было гнетущим, и от него Марта быстро устала. Она взяла какую-то книгу с полки, пытаясь почитать, но быстро бросила это дело. Пасмурный октябрьский день не давал достаточно света, глаза уставали и отдыхали на каждом пробеле.

*

«Придёт хоть кто-нибудь? — просто поинтересовалась Марта, когда часы на кухне прокуковали пять раз. — Наверное, нет. Ну и фиг с вами со всеми! Ёлки, ну что такое? — Она ещё раз подёргала выключатель, что не дало абсолютно никакого эффекта. — Ни музыку послушать, ни кофе попить, ни компьютер включить... И, как нарочно, двадцать восьмого октября!» Марта повернулась на спину и начала в очередной раз изучать потолок. Темнело, косые потёки дождя на стекле каким-то невероятным образом отражались на потолке, и линии на побелке исполняли какой-то фантазмагорический танец, танец дождя и тени, бесцветный и бесформенный...

*

Часы прокуковали семь раз.

— Happy birthday to you, happy birthday to you! Happy birthday, dear Marty, happy birthday to you! — пропела Марта, задувая свечи, разрезая торт и наливая в бокал коньяк. — Поздравляю, сегодня тебе восемнадцать! Радуйся и трепещи! — она чокнулась с бутылкой и выпила свой бокал, заедая коньяк тортиком.

Света по-прежнему не было, и свеча, которую Марта умудрилась выкопать из всё тех же необъятных закровов Родины, давала скорее

мерцание, чем свет, что в сочетании с дождём, который в течение дня плавно перешёл в ливень, давало совсем неземной эффект.

— Почему Джей и Анни не позвонили? — удивилась вдруг Марта. — Ведь обещали ведь, они же ещё днём должны были прибыть в свою Кострому! Забыли, наверное... Ну и хрен! — Марта налила себе ещё бокал коньяка.

*

К одиннадцати вечера коньяк закончился. Марте вдруг пришла в голову идея прогуляться под дождём. Девушка накинула ветровку, надела кроссовки и бейсболку и вышла на улицу. Промокнуть насквозь было делом нескольких минут. Теперь Марта просто гуляла по тёмным улицам. Весь хмель с неё как рукой сняло, в голове была необыкновенная ясность и уверенность в том, что домой идти не надо. Под дождём гулять оказалось классно, Марта до этого момента и не думала, что это может быть настолько хорошо. Потоки воды с неба падали на неё, смывали всю грязь жизни и оставляли только её душу, какой она была до того, как впервые попала в мир людей... Марта кружилась под дождём, пыталась что-то петь, танцевать, и ей казалось, что дождь ей отвечает. Настроение было на удивление хорошим, как никогда не было.

Внезапно, посреди какого-то невероятного па девушка остановилась. Ей показалось, что кто-то с противоположной стороны дороги бежит к ней. Кто это был — Марта не могла увидеть из-за плотной стены дождя. Но секундой позже она различила крики, голоса, звавшие её. Марта кинулась было навстречу, но вдруг сзади послышался голос, звавший её. Марта повернулась назад — кто-то быстро шёл навстречу, и тут откуда-то сбоку тоже послышалось: «Марта! Марта!» Девушка замерла в нерешительности. И тут со всех трёх сторон на неё налетели друзья: Лада, Алина, Джей и Анни.

— У нас поезд из-за дождя вернули!

— А я вот только что приехала от динозавров!

— Я подарок тебе искала! — объясняли они все одновременно.

Марта обняла их всех, а потом подняла голову и громко, так громко, что даже шум дождя перекрыла, крикнула:

— Спасибо тебе, дождь!!! Спасибо!!! :)

День смерти

Джоана проснулась с необычным чувством. Наверное, редкий человек его испытывал, разве что смертники, но те ждали меньше, чем она. Не так просто девять лет ждать своей смерти — а именно это должно было произойти сегодня.

Джоана улыбнулась, подошла к окну и раздвинула занавески. Свет хлынул в комнату. Вряд ли у какого-то смертника было такое хорошее настроение в день казни. Скорее, у ребёнка, который давно ждал дня рождения, чтобы получить официально тот подарок, который он до этого тайком усмотрел в родительском шкафу, куда его запрятали как раз от его любопытных глаз подальше. А ведь в каком-то смысле смерть и является таким подарком, вся разница в том, что не каждый человек знает, когда наступит этот «день рождения». Своеобразное сравнение, что и говорить, но ведь верное? Джоана знала. Она увидела этот день девять лет назад, во всех красках, во всех подробностях. И, как ни странно, обрадовалась. Гораздо проще ходить по острию ножа, зная, что это не грозит тебе особо страшными последствиями, а жизнь Джоаны всегда была похожа скорее на пробежку по острию, чем на спокойную прогулку по асфальтированной дороге. И вполне закономерно, что в один прекрасный момент она должна была добежаться, и не было ничего странного в том, что она знала этот момент: одно дело бегать на тренировке, бесцельно нарезаая круги, пока не осточертеет, а совсем другое — бежать на финальной дистанции, тут сам Бог велел точно знать, где финиш. Странность была в другом: она отнюдь не боялась и не старалась как-то избежать или хотя бы отодвинуть этот финиш, скорее наоборот, много раз ей хотелось его приблизить.

Джоана вдруг поймала себя на мысли, что совершенно не знает, чем ей занять этот день. Все обычные дела потеряли свой смысл, как слова теряют свой, когда их долго повторяешь, превращаясь в то, чем они были изначально — в простое сочетание звуков. После некоторых раздумий, Джоана решила пойти туда, где она должна была расстаться с этой жизнью. До «времени Ч» было ещё несколько часов, но что-то тянуло её туда.

На обычно пустом в любое время дня и ночи перекрёстке Джоана заметила какого-то человека. Он не переходил, казалось, ждал кого-то, и, как оказалось, именно её.

— Здравствуйте, Джоана, — поздоровался он, когда девушка поравнялась с ним.

— Здравьете... а ты, собственно, кто? Я тебя знаю? — удивлённо обернулась она, оглядывая его. Это был парень лет двадцати пяти на вид, ничем особо не выделяющийся: неброская одежда, лицо, каких тысячи, без особых примет, среднего роста, среднего же телосложения... «Прямо агент Смит», — подумала Джоана, недавно посмотревшая «Матрицу».

— Не агент Смит из Матрицы, но, наверное, чем-то похож на него, хотя бы по функциям, — улыбнулся незнакомец. Девушка вздрогнула — она не любила, когда кто-то копался у неё в голове без её на то высочайшего соизволения.

— Ну и какие же у тебя функции? — довольно нахально спросила она, явно не желая разговаривать на одной ноте с этим самозванным «агентом».

— В данный момент она одна — подарить тебе открытую дату.

— Чего?

— Открытую дату смерти. Ты не умрёшь сегодня.

— Почему же это? — продолжала нахальничать Джоана, хотя внутри у неё всё так и перевернулось. Откуда этому человеку, которого она впервые видела, знать, что произойдёт вечером на этом перекрёстке, откуда ему знать, что сегодня — дата X, да и вообще — ОТКУДА ОН???

— Я ОТГУДА, — опять прочитав её мысли, с полуулыбкой сказал незнакомец. И сказал он это так, что сразу стало понятно, что он разумел под словом «ОТГУДА» — настолько, насколько это вообще может быть понятно человеческому существу.

— А... а зачем? — только и смогла произнести Джоана. «Всё чудесатее и чудесатее», — вспомнилась Алиса в стране чудес...

— Произошёл сбой. Нельзя, чтобы кто-то заранее знал свой день смерти, заранее к нему готовился... Всё должно быть внезапно. Иначе пропадает смысл происходящего... а он есть! — после паузы добавил «агент» в ответ на её мысль «если таковой имеется». — Поэтому было решено дать тебе открытую дату. С этой минуты ты НЕ знаешь, когда простишься с этой жизнью. Одно могу сказать: это будет не сегодня. Радуйся!

На этой мажорной ноте незнакомец исчез. Просто растворился в воздухе. Но в сочетании с вышесказанным, этот факт даже не удивил Джоану, тем более что она была слишком занята своими мыслями. Подарок, конечно, хорош. Щедрый ТАМ, видимо, раз раскидываются таким вещами. Хотя... вряд ли они это сделали просто так. Наученная долгими годами спринта по нити над обрывом, Джоана не верила, что всё это — «просто так», от нечего делать и широкой души.

«А разве мне нужен этот подарок? Я уже сделала всё, что хотела — и даже кое-что, чего совсем не хотела... Зачем мне этот кусок жизни, бесцельной, бесполезной? Я не найду себе новой цели — и не хочу искать. Пусть отдадут эту “открытую дату” кому-нибудь другому. Мне она не нужна. Я слишком долго готовилась, крепилась, терпела и удерживалась. Пора и споткнуться на острие». Джоана посмотрела на солнце — день клонился к вечеру. По улице неслась одинокая десятка. С мыслью: «А всё-таки вы ошиблись, агент Смит!» Джоана начала переходить улицу — как раз вовремя, чтобы попасть под колёса.

Увиденное сбылось.

*

— Сбылось... Знаешь, я до последнего надеялась, что она ошиблась.

— Я уверен, что если бы ей дали возможность прожить ещё хоть один день, она бы согласилась — в обмен на что угодно. Она так любила жить!

— Да... Так сложно говорить о ней в прошедшем времени!

Голоса людей, уходящих с кладбища, затихали по мере того, как они уходили от свежей могилы с надписью «Джоана Монтгомери, 1979-2003».

Дерево

Однажды по улице шёл какой-то человек. История не сохранила ни его имени, ни профессии, ни возраста — словом, ничего, кроме того, что когда-то он шёл по этой улице и из его дырявого кармана выпало семечко и упало в лужу. Человек этого не заметил и ушёл дальше по своим делам. Семечко же, попав в новое место, очнулось от сна, огляделось по сторонам и не нашло лучшего выхода из положения, чем начать расти.

Заботами природы и отсутствием забот людей через N-ное количество лет семечко из микроскопического недоросля превратилось в дерево, сначала небольшое, потом всё больше и больше, пока его ветви не скрылись за шестым этажом многоэтажки, неизвестно как вдруг обнаружившейся неподалёку.

Дерево было не очень общительным, друзей среди других существ, в отличие от других сказок, у него не появилось, да и не нуждалось в них дерево. Разве что в особенно лунные ночи, смотря на небо, дерево вдруг осознавало, что если, не дай бог, его срубят, или оно загниёт, никто особо жалеть не будет, но это ощущение скоро проходило.

Главным развлечением дерева было наблюдать за окружающим его пейзажем: машинами, бегущими по асфальту, людьми, спешащими неизвестно куда неизвестно зачем или копошащимися в убогом муравейнике, который они сами называли многоэтажкой. Подчас дерево не могло понять их поступков. Почему-то люди, эти странные существа, всё время куда-то бежали. Они не могли остановиться, подумать о чём-то или просто посмотреть на небо, звёзды или деревья — нет, они всё время куда-то деловито спешили. Несколько раз дерево замечало маленьких людей — те часто отвлекались от этой беготни: смотрели на дерево, а некоторые пытались даже на него влезть. Но люди постарше сразу их останавливали и что-то долго и нудно говорили — под конец у многих малышей на глазах выступали слёзы.

Однажды, как обычно, смотря на людей в многоэтажке, дерево заметило странного человека. Впрочем, был ли это человек? Это существо никуда не бежало, а смотрело на небо и улыбалось. Дерево настолько опешило, что спросило: «Ты кто?»

Следует сказать, что обычно деревья не подают вида, что могут говорить, и редко это делают, так как между собой общаются мыслями, а с людьми говорить им особенно не о чем.

Странный человек решил, что, видимо, так и надо, чтобы дерево говорило. Во всяком случае, ни интереса, ни удивления, ни каких-либо других эмоций он не выказал.

— Триа, — ответил он (впрочем, на самом деле это была девушка, как позже узнало дерево).

— Странное имя, — отметило дерево, скорее про себя, чем вслух. — А почему ты улыбаешься?

— Имя как имя, — ответила Триа. — А что значит улыбаться?

Практически впервые в жизни дерево оказалось в затруднении и не знало, что ответить. Первый и последний раз такое случилось, когда ворона, решившая свить себе гнездо в волосах дерева, спросила у него, какого чёрта его волосы не ломаются и не вьются. Но то ворона, а тут...

— Улыбаться — это делать вот так, — ответило дерево, пытаясь улыбнуться.

Скорее всего, вы не видели улыбающееся дерево никогда в жизни, и слава богу, потому что такое лучше не видеть. Но само дерево было в восторге от своей улыбки, поэтому, не заметив какой-либо реакции со стороны Триа, оно было явно удивлено.

— Я не вижу, — объяснила та. — Я ничего не вижу.

— Как это? — удивилось дерево.

— Я с рождения ничего не вижу. Я слепая, — ответила Триа. Голос её погрузнел, а от улыбки осталось только смутное воспоминание.

*

Дерево и Триа часто говорили после этого. Дерево рассказывало девушке о птицах, о растениях, пересказывало сказки дальних стран, принесённые на хвостах сорок. Триа говорила о книгах, которые читала ей мать, о том, что говорили по радио, пела песни. И всё это время дерево пыталось найти способ вернуть зрение девушке. Кстати говоря, она по-прежнему не знала, что её новый друг — дерево, это просто не могло прийти ей в голову, как, скорее всего, и любому из вас.

Однажды дерево спросило:

— Представь себе, что твой друг — не человек. Ты могла бы с ним общаться, как со мной?

— Как это — не человек? — спросила Триа. — А кто?

— Например, дерево...

— Что ты! Этого не может быть! Как можно говорить с деревом? Нет, я не могла бы говорить с ним.

После этого весь вечер и всю ночь дерево думало. А утром из дальних стран вернулась маленькая птичка — Тиан, которую за полгода до этого, когда она улетала в кругосветное путешествие, дерево попросило найти способ вернуть человеку зрение.

— Пр-р-ривет! — звонко поздоровалась она. — Я нашла то, о чём ты просил!

— Неужели? — только и смогло ответить дерево.

— Да, было сложно, но я справилась! — скромно ответила птичка, нетерпеливо взмахнув хвостиком. — Вот! Это плод брана, из Индии. Если его дать съесть слепому в один, строго определённый день, и затем этот слепец посмотрит на солнце, он прозреет!

— Спасибо, маленькая птичка! — сказало дерево. — А когда же этот день?

— Сегодня! — ответила Тиан. — А теперь я улетаю ещё на полгода! До свиданья! — и птичка улетела, оставив дерево в ещё более глубоком и тягостном раздумье. Неожиданно для себя оно вдруг обнаружило, что ему

очень сложно будет жить без Триа — ведь она не захочет общаться с деревом, она сама сказала это! Но всё же — в его ветвях лекарство от болезни девушки. И было бы чистой воды эгоизмом не отдать его ей. До одиннадцати часов дерево думало, что же делать. А в одиннадцать пришла Триа.

— Я пришла попрощаться! — сказала она. — Мы уезжаем в другой город. Наверное, навсегда. У меня только час, чтобы поговорить с тобой. Я так не хочу с тобой расставаться! Но что я могу поделать?

Внезапно дерево обнаружило, что в глубине души радуется, что Триа уезжает, что не нужно делать такой сложный выбор и бороться самому с собой. С лёгким сердцем дерево отдало Триа плод брана и сказала, что с ним делать. А потом замолчало — чтобы не говорить никогда больше.

Через час Триа ушла — и два дня дерево стояло молча, невыносимо скучая по своей подруге, которую дерево любило — любило настоящей человеческой любовью, хотя и не могло себе признаться в этом. Так прошло два дня — а на третий к дереву пришёл какой-то серьёзный высокий человек в синем комбинезоне, постучал по его стволу и сказал:

— Это дерево уже давно сгнило! Свалите его, на его месте будет детская площадка!

И на следующий день дерева уже не было...

Дождь

А дождь всё шёл, всё время разный, с льдинками и без них, с крупными или мелкими каплями, тёплый или холодный, но всё время одинаковый — серый, изматывающий, нескончаемый и мокрый. И непонятно было, сколько ещё он будет идти и кончится ли он когда-нибудь вообще. Казалось, что никому не было дела до этого, разве что иногда какая-нибудь тётка, идя с рынка, поскользнулась в луже и грозила небу кулаком — просто по привычке. Люди уже забыли, что такое солнце, и дождь был реальностью, к которой большинство уже привыкло.

Дан к большинству не относился. Он сидел, забравшись на подоконник с ногами, и, как обычно, читал, иногда отрываясь от страницы, чтобы посмотреть в окно. Не увидев ничего нового и интересного, он возвращался к своему занятию. Так проходило большинство его дней. Дан не мог выйти на улицу, потому что врачи запретили ему сырость, а что ещё могла предложить ему улица. Поэтому у него не было друзей — кроме книг. Но с книгами нельзя говорить, а с родителями бесполезно — Дан пытался пару раз, когда был младше, но в лучшем случае мама говорила: «Дан, милый, поиграй, и не грусти, всё пройдёт». Что должно было пройти, наверное, не знал никто. За все свои пятнадцать лет Дан был вне дома только два раза. Это было десять лет назад. После этого он заболел, и врачи сказали, что ещё одного выхода он не переживёт. Да, собственно, что было делать там, среди серых машин, серых домов, серых лиц и серого дождя?

Иногда, когда ему было особенно плохо (обычно такое случалось, когда Дан заканчивал читать очередную книгу о солнечных странах, весёлых людях и приключениях), он говорил с дождём. Дан чувствовал, что у них есть что-то общее.

Так же, как дождь всё время шёл, не прекращаясь ни на минуту, Дан сидел дома, и ни один из них не мог уйти. Несмотря на то, что их содержание менялось — Дан читал новые книги, думал о чём-то другом, а дождь менял капли и их состояние, — они были одним и тем же. И Дан предлагал дождю уйти, уйти вместе и навсегда.

Дождь виновато стучал по стеклу, словно извиняясь, и продолжал монотонно ронять капли на землю, окна и людей...

Говорили, что двадцать лет назад, ещё до рождения Дана, на Земле тоже было солнце. И почти не было дождя. И люди тоже улыбались. Когда Дан был маленький, он спросил у мамы, почему же теперь всё время идёт дождь? И услышал легенду, что была на земле девушка Алиэ, которая пыталась научить людей радоваться всему, и которая никогда не плакала. И однажды люди решили довести её до слёз, просто чтобы проверить, может ли она плакать? И в конце концов, когда толпа разъярённых бывших людей, а теперь и на зверей-то непохожих существ, окружила её, угрожающе размахивая оружием и выкрикивая издевательства, она взлетела, и сказала: «Хотите слёз? Вы их получите — и даже больше, чем хотите!» А потом она улетела, а на Земле с тех пор всё время шёл дождь.

— А можно ли как-то остановить дождь? Я хочу видеть солнце! — сказал Дан.

— Учёные стараются, но пока им этого не удаётся. А теперь спи, — сказала мама и ушла.

Дан в очередной раз оторвался от книги, посмотрел в окно, увидел нескончаемый серый поток, и подумал, что неплохо бы найти эту девушку и попросить её вернуть солнце. В конце концов, люди не такие уж и плохие, сколько бы зла они ни причиняли. И потом, когда у них было солнце, они не понимали своего счастья.

Хотя, если солнце вернётся — где доказательство, что через три дня радости люди не станут опять обычно-серыми и злыми?

Вдруг Дан услышал какой-то шум с улицы. Повернувшись к окну, он увидел машину — громкоговоритель, едущую по улице. Из неё доносились сначала какие-то неясные шумы, после чего включился голос мэра города:

— Жители и гости нашего города! Спешим вас уведомить, что учёные нашли способ разогнать тучи! Завтра мы наконец-то увидим солнце! От души поздравляю вас!

Дан чуть не свалился с подоконника. Солнце! Он увидит солнце! И сможет выйти на улицу, найти друзей! Это слишком хорошо, чтобы в это поверить.

*

Ночью Дан долго не мог заснуть. Ему хотелось, чтобы утро пришло побыстрее. Солнечное утро. Дан встал с постели и подошёл к окну. На улице по-прежнему шёл дождь. В какой-то момент Дан решил, что он стал гораздо менее интенсивным.

Постояв у окна немного, Дан хотел уйти, но ему показалось, что он слышал какой-то голос. Постояв ещё немного, Дан вслушивался в темноту, но ничего — тишина.

«Глюки», — подумал Дан и направился к кровати, но опять услышал голос, звавший его.

— Дан! — сказала что-то.

— Э-э... кто это? — сказал Дан, думая, как глупо он выглядит, стоя посреди комнаты и спрашивая у шкафа, кто это.

— Алиэ, — ответило таинственное что-то... или кто-то?

Дан напряг память: имя было знакомым. Из какой-то легенды, вроде бы. Точно, это же та девушка, что наслала дождь!

— Это ты устроила дождь? — спросил он.

— Да. И это со мной ты разговаривал, прося уйти. Что ж, ваши учёные могут думать, что это они нашли средство от дождя. Но нет, это я решила уйти. И я уйду. Но только вместе с тобой!

Такого оборота Дан не ожидал. Собственно, он никакого оборота не ожидал, но такого тем более. И при чём тут он?

— При чём тут я? — спросил он.

— Все остальные люди меня только кляли — хотя клясть стоило только самих себя. А ты говорил, как с равной. Неужели тебе не хочется уйти? Ты

столько раз просил об этом. Да и, в конце концов, для меня ты — всего-навсего представитель землян. Я могу взять кого угодно — с той лишь разницей, что ты веришь в меня, а всех остальных придётся убеждать. Да я могу и остаться, мне-то что? Я — это дождь, а дождь — это я.

Только теперь Дан осмыслил, что ему предлагают. Подарить солнце жителям Земли — и никогда не увидеть его самому. Конечно, герои его книг сделали бы выбор, даже не задумываясь. Но герои — героями, а он — простой мальчик, и ему тоже хочется увидеть солнце, хоть одним глазком!

— Я так и знала, — усмехнулся голос. — Все люди таковы! Счастью всех людей вы предпочтёте своё, личное, одно. Ну как хочешь. Но учти — как только ты выйдешь под дождь, он прекратится. Но и ты прекратишься!

Дан попытался позвать, но не услышал в ответ ничего. До рассвета оставалось пять часов.

Как он ни старался, заснуть не удавалось. В голову лезли дурацкие мысли. Дан не выдержал, встал и опять подошёл к окну. Позвал. В ответ — тишина. Дан опять уселся на подоконник. За окном шёл дождь, серый, нескончаемый. Дан уже не ощущал себя его частью — скорее наоборот, дождь был его врагом.

— Если я уйду, я никогда не увижу солнца. Но его увидят другие. А если я останусь? Я ведь всё равно не увижу солнца. И никто не увидит, пока Алиэ не обратится к кому-нибудь другому, но где доказательство, что другой не откажет? Да и зачем мне жить? Всё, что я могу — сидеть дома и читать, и думать, думать, думать, до потери пульса, до полного разложения мозга...

Дан спрыгнул и потянулся к щеколде окна, открыл её и потянул к себе тяжёлую фрамугу. Окно поддавалось с трудом, громко скрипело — сразу ясно, что уже десять лет его никто не открывал. На секунду Дану стало страшно — а вдруг проснутся родители? Придут, скажут: «Прекрати дурить», и не будет солнца...

Родители. А что они почувствуют, когда увидят, что их сына больше нет? «Они же любят меня», — подумал Дан. Теперь дождь был ближе и громче, казалось, стучал по нервам. Дан никогда бы не поверил, что этот шум, представлявшийся ему грохотом, был почти неслышим другим.

— Родители, — сказал вслух Дан. Действительно, им вряд ли будет приятно видеть солнце, сознавая, что это его смерть вернула свет. Смерть. Да, действительно, его жизнь немного стоит. Но что почувствуют его родители? Хотя они же не будут знать, что это из-за него вернулось солнце. Они скажут: «Он совсем чуть-чуть не дождался». Или подумают, что он испугался солнца. Или ещё какую-нибудь чушь. Какая разница? Зато сколько других детей будет радоваться солнцу! Других. Но их ребёнок радоваться не будет. Он вообще не будет способен что-либо делать.

— Не думаю, что они будут долго грустить. В конце концов, родят ещё одного, он-то будет нормальным, — сказал себе Дан. И потянул вторую рамку окна на себя.

Эта подалась легче. Дан влез на окно, выпрямился и посмотрел вниз. Асфальт и дождь были почти одним. Серым. Неприятным. С высоты пятнадцатого этажа Дан видел их как одно целое.

Дан оглянулся: на часах было пять минут седьмого. А потом улыбнулся — и шагнул вперёд.

*

Солнечный свет пронзил дождь. Последняя капля упала на тело, лежавшее среди быстро сохнувших луж. Дан улыбнулся и полетел — навстречу солнцу, небу, облакам и жизни. Новой жизни. Жизни, в которой было солнце.

Её жизни

«В каждом человеке спит гений.

С каждым днём — всё крепче».

Народная мудрость

Она живёт несколькими жизнями, но все они не её, и только часть её понимает, что делает другая.

В одной жизни она — «крутая», с её мнением считаются, её слушают. Там она не может стать собой, даже если захочет. Её успокоят и сделают прежней.

В другой жизни она — незаметная, тихая, маленькая серенькая мышка. Её не видит никто, не слышит никто, не любит никто. Она сама там — никто. Она живёт нигде, делает ничего и ничего не хочет. Она — человек из ниоткуда, идёт куда по дороге из ничего.

Есть ещё третья жизнь. Там она глубоко несчастна. Она хочет, чтобы её признали такой же, как все, но в то же время она хочет выделяться из толпы. Но у неё всё не как у всех. Она не похожа на них. Она не отсюда.

Но есть её внутренняя жизнь. Там она — почти настоящая. Она ложится спать очень поздно, засыпает не сразу, слушает грустные песни и тихо поёт. Там она плачет в подушку и не может сделать первый шаг. Там она любит, и её любят, но она не может этого понять. Там она живёт, но хочет умереть. А в остальных жизнях она умирает, но изо всех сил хочет жить.

А на самом деле она спит и живёт во сне. Когда-нибудь она проснётся, разрушит мираж, донесёт людям то, о чём всё вокруг них. Когда-нибудь. Когда-нибудь...

Жизнь

Посвящается Джону Оно Леннону

С детства он хотел всем показать, что он не такой, как все. Часто он находил то, чего не было, и ввязывался в драки. Он старался доказать всем что-то — он сам не знал, что.

Он хотел стать знаменитым, «самым-самым главным».

В 14 лет он сколотил группу из своих друзей. Они выступали на мелких празднествах. Обычно он завершал эти выступления фразой «Перед вами выступал певец № 1 — Джон Леннон» и уже потом упоминал название группы. Впрочем, оно всё время менялось.

Участники группы приходили и уходили, но он оставался. Он был её лидером. Когда группа окончательно развалилась, он покинул её последним, как капитан покидает свой тонущий корабль.

Он никогда не брал на себя важных решений и по возможности пытался спихнуть их на кого-нибудь другого. Он никогда не умел выбирать. Ещё в довольно раннем возрасте он потерял трёх самых дорогих ему людей — мать, дядю и лучшего друга. До этого, когда ему ещё не было и пяти лет, он многократно переходил из рук в руки родственников. Мать любила его, но не хотела жить с ним. Отец не смог забрать его. Возможно, поэтому его сердце укрылось за прочной железной бронёй.

Он всегда хотел быть знаменитым — он стал им. Были и рыдающие фанатки, которых не могли вместить самые большие стадионы мира, которые даже не слышали музыки за своими воплями. Он всегда оставался загадкой без отгадки. Он метался от одной истины к другой. Его любили все. Его ненавидели все.

Группа не выступала уже довольно долго, когда он увидел её. Он ринулся к ней, решив, что она и есть та истина, которую он искал так долго. Он не подозревал, что он попал в её сети и уже не сможет вырваться из них.

Она не любила его. Но он был нужен ей. Он не любил её — но не мог жить без неё. Он всё время хотел быть рядом. Из-за неё его группа развалилась — любовь слепа.

Её, а затем и его, возненавидели. Её проклинали, его заклинали очнуться. Но ничто не действовало. Он был кроликом, а она — удавом.

Был один, кто думал, что он знает его настолько, что может быть им. Он тоже ненавидел его. Но он был им. Это был анти-он.

Он застрял в радужной дымке наркотиков и в её и его мире, где не было никого больше. Он ничего не видел — и не хотел видеть. Ему было вполне достаточно его воспалённой фантазии.

Анти-он видел всё. Анти-он был уверен, что кто-то тут лишний. Но не понял, кто.

8 декабря 80 года они встретились. Нет, не произошло ни взрыва, ни образования чёрной дыры, как обычно бывает при столкновении двух противоположностей. Не произошло совершенно ничего.

Всё произошло вечером этого же дня. Они встретились ещё раз, и на этот раз образовалась чёрная дыра. Когда-то давным-давно вместо неё был самый известный музыкант, чьи песни известны любому человеку так же, как и лунная соната.

Она осталась. Практически сразу после его смерти она попробовала заполнить собой эту чёрную дыру. Но куда песчинке до океана.

Он не умер на самом деле. Просто его душа раздробилась на множество кусочков. В каждом человеке, кто хоть раз слышал его песни, есть этот маленький кусочек.

И сказал Он — где двое или трое соединяются во имя моё, там я среди них.

Да будет так.

Изгой

С самого начала она была изгоем.

Она почти не общалась со сверстниками в начале своей жизни. Она была очень умной и начитанной. Любила умные книжки, классическую музыку и стихи «взрослых» поэтов (в общем, всё то, что не любили её погодки).

В первой школе, в первом классе у неё было много друзей, но не было опыта общения. Она жила очень далеко от них. Но с нею легко сходились.

Позже она перешла в другую школу, где было всё для таких умных, как она. Она была очень умной, всегда получала хорошие оценки по всем предметам. Дети её не любили и дразнили «заучкой». Сначала она обижалась. Потом старалась, по возможности, не обращать внимания.

Она никогда не была похожа на других. Её не понимали. С одной стороны, она хотела быть с ними. С другой — не хотела быть такой, как они. Ей не нравилась их музыка, их стиль жизни. Они не принимали её.

Она менялась. Они не менялись.

Она дошла до предела. Из одной жизни её прогнали. В другую не принимали. Она жила в промежутке.

Она была никем. Её просто не было. И вот её не стало.

В один день она поняла, что пора уходить. Она была здесь слишком долго. Сначала она не решалась уйти. Она думала: «Как же они без меня?» Но потом она поняла, что ничего не изменится. И она решила уйти. И опять она была не такой как все. Она вышла не через дверь, а через окно. Она полетела, но не вверх, а вниз.

С ней никто не прощался. Когда они поняли, что она ушла, было уже слишком поздно.

Может быть, где-то там она ещё жива. Но здесь её нет. Мир исторг её из себя, не смог переварить. Она попала между шестерёнок налаженного механизма. И шестерёнки перемололи её, но не сломали.

Исповедь наркоманки

Рассказ ведётся от первого лица лишь потому, что так он легче воспринимается, и не имеет никакого отношения к реальным событиям, мыслям и словам. Все сходства относятся к воображению автора и обширности нашей Родины.

Как говорят, нужно оставить после себя хоть что-нибудь. Это всё, что останется после меня. Конечно, я не права, что уйду, да ещё и таким постыдным способом. Но я попытаюсь объяснить то, что вы не хотели понять, пока я жила, да, скорее всего, не поймёте и сейчас. Я хочу умереть в своём мире, а не в том аду, который вы называете моим домом.

Я — наркоманка. Впрочем, верно ли это слово? Трава — это не кайф. Это костыль, это ржавый ключ, который ненадолго открывает дверь в иной мир, в мир, где меня ждут, где я — не просто единица от нуля, не клетка общества, а полноценный человек, где меня, по крайней мере, воспринимают. Как жаль, что это ненадолго.

Я — не наркоманка. Я просто хочу жить. Парадоксально, правда? Но это так. Мне надоело существовать в мире, где человек человеку — волк, где никому ни до кого нет дела и все пекутся только о собственной шкуре. Может быть, тот мир, в котором я живу, который является моим домом, — мир несуществующих грёз, мир, которого нет и не было, но это — мой дом. В этом мире, который вы считаете своим домом, своей единственной и лучшей обителью, я — просто проездом. Я не останусь здесь.

Вы говорите — оставь, брось, кислота — не выход. Но какое вам дело? Вы не замечали меня, когда я была среди вас. Вы забегали, засуетились лишь потому, что теперь, сидя на кислоте, я олицетворяю опасность, показываю страшный оскал этого чёртового века машин и безразличия. Я могу заразить ваших детей, я показываю дурной пример, которому они могут последовать. В конце концов, я — просто не такая, как вы, и уже поэтому вы меня боитесь, как бы тщательно вы этого ни скрывали.

Я пыталась улыбаться, пыталась не обращать внимания на издевательства, насмешки, подкалывания, пыталась смеяться. Но это не помогало. Вы втоптывали меня в грязь — а когда я смеялась в ответ, вы втоптывали меня ещё глубже.

Неужели если я не такая как вы, меня нужно сломать, уничтожить непохожесть, покрасить меня в серый цвет? Что я такого сделала?

В этом мире меня ничего не держит. Друзья? А есть ли они у меня? И если есть, почему они не со мной сейчас? Нет, у меня нет друзей. Нет и врагов. Просто есть люди, которые пытались меня понять, которые называли себя моими друзьями. Но в конечном счёте свои заботы оказались им дороже. Что ж, я их не виню. В этом мире нужно бояться только за свою шкуру. Я пыталась помочь тем, кому это было нужно — и плачу за это дорогую цену.

Скорее всего, никто и не заметит, что меня нет. Маленькая цветная песчинка, которую выбросило из потока — вот кто я. Меня и так никто не

замечал, кто же заметит меня, когда меня не будет? Я никому не была нужна, кому же будет меня не хватать, когда я уйду?

Надо сжечь всё, что осталось. Песни, стихи, рассказы — кому это нужно? Всё равно их никто не слушал и не читал. Вот шёл пророк, смотрел и слушал, и правду людям открывал. Но люди уши закрывали, и всякий в страхе убегал. А может, это и к лучшему. Пусть им будет спокойнее. Я уйду. Больше не буду возмущать их покой, идти против их порядков. Пусть. Let it be.

Слёзы... Неужели я ещё могу плакать? Не верю. Я уже ни во что не верю, ни в бога, ни в чёрта, ни в жизнь, ни в смерть. Только в белую смерть. Это моя вера, моя религия. Домой!

Развести героин в воде — минутное дело. А потом до боли знакомое чувство счастья, и через каких-то двадцать минут я тихо уйду. Это лучше, чем погибнуть от руки какого-то маньяка в подворотне или под колёсами пьяного водителя, в страхе, боли и отчаянье. Нет... Я уйду в счастье. В конце концов, должно быть у меня хотя бы двадцать минут счастья.

Знакомый поток тепла потёк по венам... Вот и всё. Осталось только ждать.

Пятнадцать минут — и я навеки дома. Не нужно кислоты, не нужно белой смерти, не нужно травы — я буду дома. Вот оно, счастье!

Стаи улетели... Baby, I'm gonna leave you... Does your mother know? Knowing me, knowing you...

Вот дыра в небе... она приближается ко мне... заглянуть за края... is there anybody there, behind the wall of sleep?

What do you want of me??

Heart like a wheel...

Just a virtual death...

Капля

— Назад, в темноту! Назад... Только бы оно не заметило, только бы не обожгло! — думала Она, двигаясь по листу назад, в темноту, в спасительную тень, которая неумолимо отодвигалась к стеблю, но пока ещё была близка, досягаема...

— Стой, пожалуйста, не двигайся! — умоляла Она.

Что ж, она была всего лишь каплей росы на листке куста, каких в избытке в любом дворе. Каким-то чудом она избежала участи остальных капель, не испарилась на рассвете, во сне — тень листка над нею прикрывала её, а теперь предательски отступала. Капля, как могла, бежала за ней, но вода не может бегать, как свет, этого ей не положено природой, и каёмка тени угрожающе двигалась, причём без всяких видимых усилий, в то время как Капля выбивалась из сил.

— Я тебя догоню! Не уйдёшь! — пообещала Капля тени, на какую-то долю секунды остановившись передохнуть. Но тень скривилась в ухмылке и продолжала двигаться к стеблю так же неуклонно-равномерно.

— Странно... Солнце обжигает и убивает, а тень спасает, но ведь солнце и порождает тень, — удивилась вдруг Капля, не прекращая бега. Но думать некогда, надо бежать, вперёд, к стеблю, за тенью...

Но вот и стебель.

— Пора бы тени остановиться, — подумала Капля, но не тут-то было, тень продолжала двигаться. Вот и стебель освещён...

— Надо прыгать вниз, — решила Капля. Она подкатилась к краю и посмотрела вниз.

— Как высоко! А вдруг я разобьюсь? Вдруг будет боль... — Она оборвала себя. — Вот дурёха! Если ты не прыгнешь, то испаришься, и точно ничего не будет!

Капля взглянула вниз ещё раз.

— Страшно! Но надо...

Она зажмурилась, посчитала вслух до трёх, и с возгласом «Три!», достаточно тихим, чтобы его не услышала ни одна живая душа, и достаточно громким, чтобы душа у самой Капли от собственной смелости ушла в пятки, кинулась вниз, но на середине пути осознала, что летит вверх...

Так и было. В полёте она испарилась — ведь она была очень маленькой, хоть и очень смелой каплей, и ей нужно было совсем немного тепла... Теперь она была маленьким облачком и поднималась, чтобы с другими облачками образовать одно большое облако, а потом упасть вниз дождём, снова стать Каплей и повторить свой забег...

Картина ощущений

Ночь. Почему-то не темно, то ли это фонари с улицы, заменители солнца, тоже мне, ни света, ни темноты, пользы никакой, торчат только, как деревья-уродцы, без листьев, без коры, одни тощие длинные стебельки со свечкой на конце... А может, это и не фонари, может, просто у меня в комнате остался кусок солнца, отвалившийся во время заката. Закатился в открытое окно, разлился по комнате и светит теперь, отвлекает, думать не даёт.

Дома похожи на могилы. Такие же тёмные, закрытые, а внутри люди лежат, не двигаются, не говорят, может, и не дышат, кто их знает. А я дышу? Надо попробовать: вдох-выдох, вдох-выдох. Дышу, надо же! Может, я не человек? А кто тогда человек? Может, людей вообще нет, вообще ничего нет. Только темнота. Нет, темноты тоже нет, вон свет какой-то, чёрт знает откуда. Вообще ничего нет, и самого «ничего» тоже нет. Странно. Странное ощущение, кажется, сейчас взлечу. Вверх или вниз? Как получится. Нет, не взлетаю. Грехи, наверное, не дают. Жаль. Полетать бы сейчас по тёмному городу, пока люди в своих могилах... тьфу, домах, то есть, спят. Ну, пусть спят, мне-то что, я не сплю, и не собираюсь даже. Ещё много часов впереди. Ещё о стольком можно подумать...

Вообще, думать, конечно, вредно. Но иногда надо. Как покурить. «Минздрав предупреждает». Вот блин, на учебниках и лопатах такое почему-то не пишут! Хотя толку-то, люди знают и всё равно курят. И никому от этой надписи лучше не сделалось. Хотя хуже, наверное, тоже. Зачем она нужна?

Класс, на улице дождь пошёл. Холодный, как снег. Мокрый, как вода. Странное сравнение. Дождь — это не вода. Дождь — это дождь, он не имеет ничего общего с той гадостью, что льётся из-под крана или плещется около набережной. Дождь — это что-то особенное, волшебное даже в какой-то степени.

Кончается... жаль. Почему всё хорошее имеет подлое свойство кончаться, причём не просто так, а гадостью какой-нибудь? Это неправильно. Надо это изменить. Вот, точно, ничего плохого! Фиг с ним, с дождём, зато воооон из-за того дома первый лучик солнца пробился. Узенький, как ниточка, даже как иголка... Наверное, он острый. Жаль, не дотянусь. А вот ещё один, прямо ко мне идёт, а вот ещё... всё, солнце из-за дома вышло, теперь лучики не такие, как тот, тёплые и пушистые, а тот был горячий, узкий, острый... Говорят, нельзя на солнце долго смотреть. Почему? Наверное, ему не нравится. Действительно, столько идиотов будет глазеть по часу, как в зоопарке, что приятно?

Вот и утро... Жаль, ничего не успела сделать. Хотя... да я ничего и не хотела. Тем более жаль, надо было что-нибудь захотеть, а потом сделать, ведь такой ночи не будет уже никогда. Похожие будут, а такой не будет. Хотя её не сохранишь, сохранённая она была бы не настоящая, просто ночь, не очень красивая, это вам не природа Швейцарии и не Австралийские пальмы, а центр города Саратова, тем более незачем её сохранять. Лучше я её просто запомню. Пробегаю глазами ощущения: раз, два — запомнила? Да. Ну и хорошо.

Месяц

Я стоял на мосту, как обычно, смотря на волны невидящим взглядом и думая о своём. Мысли мои были в большинстве своём невесёлые. Не грустные, а именно невесёлые. Не станешь же веселиться после того, как тебя назвали бесчувственным олухом и бросили? Но, как это ни странно, я особо не грустил — возможно, потому, что нарочно последние две недели старался быть — или даже был? — этим самым бесчувственным олухом, и не без злого умысла: эта очередная Кэти, или как там её звали, успела мне надоест за те несколько месяцев, что я с ней провёл. Теперь у меня, казалось, не было повода для печалей, но и для особых радостей тоже, поэтому я просто стоял и смотрел в воду, думая о Кэти, о том, как она пыталась сделать из меня «культурного человека», который бы был типичным мещанином и, в будущем, её примерным мужем. Наивная! Неужели можно настолько не разбираться в людях, чтобы представить меня в роли примерного семьянина?

Мимо меня промелькнула тень. Небольшая фигурка пробежала мимо меня и остановилась несколькими метрами дальше от меня, вниз по мосту. Вероятно, она не заметила меня: время клонилось к ночи, было темно, а я был в тёмной одежде, мои длинные волосы — предмет гордости на протяжении нескольких лет — закрывали лицо с обеих сторон. Я подумал внезапно, что ничем не отличаюсь от тени — хотя бы от той, что только что пробежала мимо. Ну что ж, хорошо, я буду тенью, такой «молчаливой галлюцинацией», вроде кота Бегемота.

Домой идти всё ещё не хотелось — там ещё не выветрился дух этой Кэти, а я не хотел больше о ней вспоминать. От нечего делать я начал исследовать ту девушку, что сидела на ограде моста в нескольких шагах от меня и что ранее пробежала мимо. Она была небольшого роста, стройная, одета в джинсы и какой-то свитер. Лицо её, если бы не было искажено слезами (от плача женщины всегда портятся, это только в романах бывает так, что «от слёз лицо героини стало ещё прекраснее и напомнило герою цветок, покрытый росой»), было бы достаточно красивым. В общем, ничего особенного.

Я отвернулся и закурил, потом посмотрел на часы. Было без нескольких минут десять. С Кэти мы доругались в шесть — в тот момент, когда она завопила, что ноги её больше у меня не будет, часы начали бить, после чего я хлопнул дверью и ушёл, дав ей возможность спокойно собрать вещи, чтобы, чего доброго, не забыть чего. Теперь было самое время вернуться домой, поставить себе какую-нибудь хорошую музыку и устроиться на любимом диване с книгой. Потом можно и в инет, но сначала дочитать «Авторизованную биографию Биглз» Хантера Дэвиса — книгу завтра возвращать.

Я развернулся — и обомлел. Давешняя девушка стояла на краю ограды и явно намеревалась сделать шаг в сторону ласково приглашавшей воды. Я быстро сделал выводы из этого странного порыва искупаться октябрьской ночью в грязной реке и кинулся к ней.

— А ну слезь! — крикнул я, подбегая. Девушка испуганно обернулась и чудом при этом удержалась на узкой полосе бетона, отделявшей открытое водно-воздушное пространство от моста. Я подумал, что орать не стоит — так я ей только помогу упасть, поэтому уже спокойнее сказал ей:

— Я не знаю, почему вы так стремитесь попасть в эту холодную воду — лично меня она не привлекает совершенно, холодно, знаете ли, да и место не то, но я не знаю, может быть, ты — член клуба моржей и хочешь попрактиковаться, или просто ищешь экстрима. Но будь добра, делай это где-нибудь в другом месте, а лучше — не делай вообще.

Где-то я читал, что в подобной ситуации надо быть напористым и весёлым, чтобы сбить человека с толку и отвлечь от его мыслей, повлиявших на него столь негативным образом, но в этом нужно знать меру. Меры я, скорее всего, не уловил, как и во всём остальном, но всё-таки мой небольшой спич сделал своё дело: девушка отвлеклась от своих мыслей, развернулась ко мне лицом и уставилась на меня во все глаза.

— Вы откуда взялись? — был её первый вопрос. Как ни странно, она обратилась ко мне на вы: моя речь в таком случае — хотя я вряд ли пошёл бы на такое — была бы явно непечатной.

— Я стоял тут уже давно, ты промелькнула мимо, уселась тут, а потом решила поупражняться в прыжках в воду, — как мог, объяснил я.

— А не могли бы вы... уйти отсюда и забыть, что вы меня видели? — спросила девушка.

— Почему это я должен уходить? — честно удивился я, решив во имя благородства забыть, что я собирался домой, к Дэвису и Куперу. — Мост ваш настолько же, насколько и мой.

Девушка казалась удивлённо-обиженной. Было ясно, что её решение о скором свидании с грязной речной водицей отменено на сегодня — но кто знает, надолго ли?

Внезапно я почувствовал к ней симпатию, скорее даже не симпатию, а... сочувствие, что ли. Почему-то, мне захотелось, чтобы эта странная незнакомка осталась жить на Земле, и если и умерла, то не от своих рук. Девушка внезапно развернулась к реке.

— Кто вы такой? Зачем вы посланы мне? Вы не знаете, на что вы меня обрекаете! Сейчас вы уговорите меня — чтобы через день, через неделю, я опять вернулась сюда, ещё более опустошённая, ещё более одинокая! Прошу вас, уйдите... — разразилась она тирадой, перешедшей в истеричные вопли и затем в еле слышные всхлипы. Я смотрел на неё, пытаюсь придумать что-нибудь, могущее удержать её.

— У меня к тебе просьба. Просьба об одолжении, даже, скорее, о подарке, — сказал я, не очень-то рассчитывая на успех. Но незнакомка обернулась.

— Что вам нужно?

— Не так много, но и не так мало. Мне нужен месяц твоей жизни. Ровно через месяц ты можешь вернуться сюда и делать, что хочешь. Но этот месяц нужен мне. Я прошу тебя. А я не так часто прошу кого-нибудь о чём-либо.

Девушка удивлённо смотрела на меня. Казалось, она пытается запомнить меня, каждую клетку меня. Прошла вечность — или так только показалось под её пристальным взглядом? Она ответила:

— Я не знаю, зачем это вам. Но я согласна. Я дарю вам этот месяц своей жизни. Но знайте — я держу свои обещания.

— Хорошо. Тогда слезь, наконец, с этого парашюта, для начала.

Девушка покорно спрыгнула на мост.

— Вот мой телефон, мой мэйл, ася... Можно найти, если захочешь. Если опять будет такое настроение, как сегодня вечером. Буду очень признателен получить твои контакты.

Девушка достала блокнот, ручку, написала на листке требуемое и отдала. Потом ушла. Я развернул листок. Под всеми данными стояло имя — Эмили.

*

Я вернулся домой уже поздно. Поставил БГ для успокоения нервов, влез на диван с ногами и стал думать. И сколько я ни думал, я не мог понять, кой чёрт дёрнул меня спасти эту незадачливую самоубийцу, да ещё и обмениваться с нею адресом/телефоном... Обычно девушки сами ластились ко мне, и гораздо более привлекательные, чем эта. Обычная девчонка, только взгляд у неё необычный — так затравленный зверёк смотрит на своего гонителя. А эта Эмили смотрела так на весь мир. Сколько же зла ей сделали, чтобы её взгляд стал таким, чтобы она полезла на мост?

Так и прошёл мой вечер — в мыслях об этой странной девушке.

*

Прошло две недели. Эмили заняла довольно прочную позицию в моей жизни, причём без малейших поползновений на то с её стороны. Она изредка звонила, в основном ближе к ночи. Мы часто виделись в сети, а несколько раз встречались и в реале.

Первый раз я увидел её через три дня после того вечера. Выглядела она получше, надо признать — не такой бледной замухрышкой, а довольно милостивой девушкой, хотя нет: слово «милостивый» не совсем к ней подходит. Может быть, она не казалась красивой с первого взгляда, но это значило только одно — её красота была иной, чем у других девушек, она была красива изнутри. И только взгляд её оставался прежним взглядом загнанного в угол зверька.

Часто я ловил себя на мысли, что все мои мысли перескакивали на неё, даже если я начинал думать о чём-то супертривиальном, вроде того, что неплохо бы поставить чайник. Но я не придавал этому особого значения, в конце концов, мы недавно познакомились, да ещё и в достаточно нестандартных условиях.

Иногда мне казалось, что наступил нужный момент, и пытался выведать, почему же всё-таки она в тот вечер решила сделать последний шаг, но Эмили либо мягко переводила тему, либо отвечала крайне расплывчато. Она вообще редко говорила о своей жизни, о каких-то событиях в ней, я даже не знал, чем она занимается, я ничего о ней не знал. Но это не помешало мне в один

прекрасный день осознать, что я люблю её, и что я полюбил её ещё тогда, когда первый раз увидел...

*

Это был действительно прекрасный день, и от этого удивительного ощущения наполненности любовью он казался мне самым прекрасным днём в моей жизни. Я бродил — нет, летал по квартире, напевал «All you need is love», и ждал. Сегодня вечером я встречался с Эмили. И сегодня я решил, наконец, сказать ей эту заветную фразу, которую я уже говорил стольким девушкам, но никогда она не была ещё такой правдивой. Всего три слова — «я тебя люблю!» — но сколько они значат!

Пробило 5 часов, но Эмили всё не было. Я начал настораживаться — она обычно была пунктуальной, но быстро успокоился — конечно, она придёт! Какое-то тёмное подозрение начало клубиться где-то в глубине души. Я включил телевизор, посмотрел рекламу («Покупайте только нашу суперхренорезку! Всего за 99 долларов вы сможете делать никому не нужные поделки из хрена!»). Потом начались местные новости. Слегка косноязычная и немного взмыленная (как по Булгакову!) дикторша начала репортаж:

«В начале — криминальная хроника. Сегодня в реке найден труп девушки, 20 лет. Имя — Эмили Джонстон. Тело было найдено сегодня утром двумя подростками. Следов насилия не обнаружено. По версии следователя Дерищенко, произошло самоубийство».

Как зачарованный, глядел я на экран, на лицо Эмили, моей Эмили. Смерть исказила её черты, но я узнал её.

«Это всё на 29-ое ноября 2003-го года». Новости кончились. Вчера была «годовщина» нашего знакомства с Эмили — ровно месяц. Мне действительно достался только месяц её жизни. Контракт продлению не подлежал.

— Нет, господи! — закричал я, не понимая, почему я ещё жив, когда её уже нет. — Господи, нет!!!

*

Вечером я решил отправиться на мост. Встал там же, где и тогда. Что символично, на мне была та же одежда, что и тогда, но это я заметил уже потом. Вдруг, я заметил, что на том участке моста, где тогда была Эмили, было какое-то движение. Не помня себя, я ринулся туда, но вместо Эмили нашёл там старую проститутку. Контраст был настолько поразительным, что я решил, что жить больше незачем, и, перепрыгнув через перила, оказался в воде...

*

Как видите, мне тогда не повезло. Меня вытащили из воды, отправили в больницу. После я не пробовал сводить счёты с жизнью, наверное, не хватало решимости, да и незачем было — Эмили всё равно было уже не вернуть...

Вернувшись домой, я обнаружил в почтовом ящике письмо, даже не письмо, а простую записку. Она была от Эмили.

«Спасибо тебе. Но одиночество не отдаёт своих пленников. Прощай».

Мороз одиночества

Ты идёшь по жизни, как по замёрзшей дороге. Людей почти нет. Мороз сковывает тебя, призывая остановиться, плюнуть на всё и заснуть крепким, вечным сном. Из глаз текут слёзы, как кровь из ран Христа, призванные замолить грехи человечества, но они не долетают до земли, а застывают на ресницах маленькими глыбами льда. Хочешь закрыть на всё глаза, но они не дают, и ты видишь грязь на улицах и мёртвых людей, которые просто прилегли отдохнуть минутой раньше, а потом не нашли сил подняться и идти дальше.

Ночь в большом городе

Уже давно стало фактом то, что в большом городе как нигде легко почувствовать себя одним-единственным существом, существующим вне того вечного праздника, в котором, как кажется, пребывают все другие жители этого города. Но вот настает ночь — и город затихает, напраздновавшись, получив свои жертвы и свою дань за этот день, сделав кого-то счастливей, а кого-то несчастней, дав кому-то жизнь, у кого-то её предварительно забрав... Ночью, как известно, все кошки серы, и кто знает, что за мысли роятся в голове людей, которых вы встречаете по пути домой в это тёмное время суток, по неведомой причине задержавшись и выбившись из обычного графика.

Оглянитесь вокруг.

Хиппи

Вот идёт хиппи. Его сразу узнаешь: одежда не совсем по сезону — в городе, откуда он приехал, ещё тепло, длинные волосы, неизменная полуулыбка на лице. За спиной болтается гитара, по её виду сразу заметно, что она где только ни побывала. Несмотря на поздний час, темноту и пустынность улиц, этот человек жизнерадостен — только что попалась верная вписка. Когда вы, случайный прохожий, проходите мимо него, он посылает лучшую улыбку персонально вам. Мир тебе!

Проститутка

На улице далеко не жарко, лето давно ушло, но профессия обязывает её носить не самую тёплую одежду. Вы проходите мимо. Она открывает глаза и бросает на вас взгляд — чего только не намешано в её взгляде! И порция дешёвого сладострастия, фальшивой любви и прочей липко-противной мишуры, и оценка вашего внешнего вида, — и всё это пополам с дикой тоской (именно дикой — с такой тоской одинокая волчица воет на луну в середине лета) и неизбежным одиночеством — как известно, дамы этой профессии редко находят свою «вторую половину» и обзаваются семьёй. Она сразу понимает, что вы — не её клиент: вы так робко пробегаете мимо неё, неосознанно убыстряя шаг — как обычно, чтобы кто-нибудь чего-нибудь не подумал. Вам, приличному семьянину, её услуги ни к чему. И она опять прикрывает глаза, облачиваясь о стену старого дома.

Мент

Он стоит на посту и мысленно проклинает весь мир. Собачья работа за маленькие деньги — что может быть хуже этого? Да ещё и ночное дежурство выпало, как назло... Это спокойный участок, но его не устраивает и это: спокойные участки незачем охранять, и бессмысленность его стояния на холоде вместо того, чтобы дома спокойно спать с женой, раздражает его ещё больше. Он думает, не пристать ли к кому-нибудь с целью выманить денег, но, оглядывая пейзаж, понимает, что это ничего не даст: откуда деньги у хиппи? Разве есть они у проститутки в начале её «рабочей смены»? Да и у вас,

случайного прохожего, их нет — это сразу видно. И он продолжает стоять на посту, время от времени нервно поглядывая на часы — когда же это кончится?

Случайный прохожий

А вот и вы, случайный прохожий, тихо идёте по улице, стараясь не привлекать особенного внимания к своей скромной персоне. Вообще, любого человека можно распознать по походке, а особенно таких, как большинство людей — серых мышек, вечно прячущихся за чью-то спину в толпе ничем не выделяющихся... Вы здесь случайно, в этом царстве ночи, которого вы подсознательно боитесь, хотя бы потому, что оно вам незнакомо и вы не знаете, какую маску надеть, какая больше подойдёт в этот момент в этом месте, чтобы сойти за «такого же, как все». В одном вы ошибаетесь: ночью нет «таких же, как все», ночью все становятся собой и никем другим — и автоматически появляется разница. Может быть, поэтому серые мышки боятся ночи — они просто боятся потерять свою серость? «Ночью все кошки серы», — возразите вы. Но даже кошки ночью серы по-разному.

«Скорее бы домой добраться!» — думаете вы, ещё ускоряя шаг.

Маньяк

Вот и он — какое описание ночного города без этой персоны? В любом мало-мальски уважаемом городе есть свои сумасшедшие, которые накладывают свою вину на жителей города, делая их заслуживающими смерти. Конечно, их ловят — но разве так сложно сойти с ума и пойти на убийства в большом городе? На места пойманных приходят другие, ещё более жестокие и изощрённые.

Этот — особенный. У каждого из них есть своя мания, каждый находит разную вину на своих жертвах. Этот ненавидит похожесть, серость, одинаковость. Хотя бы в смерти он делает их не такими, как другие. Кого же он выберет себе в жертвы сегодня? Кто из немногих людей на этой улице заслуживает его внимания более всего? Конечно, это вы, случайный прохожий, гордитесь!

Вы заворачиваете за угол — маньяку это только на руку, не будет свидетелей его кровавой радости. В два счёта он догоняет вас — и пустынная улица слышит ваш последний крик. Но никто не выбегает из дверей, не выглядывает из окон: улица спит, мышки забились в норки и не выйдут до утра, что бы ни случилось. И им наплевать, что только что одной мышкой стало меньше.

Убийца завершает своё чёрное дело и уходит. На сердце у него радость — он думает, что освободил ещё одного.

А вот и солнце — его первый луч появился на горизонте. Оно поднимается, освещая улицы, будит людей. Слышен вскрик — это кто-то наткнулся на ваше тело, случайный прохожий, всё, что от тебя осталось, от твоих мыслей и желаний — если они были.

А город просыпается, и готовится к новому дню, каждый из которых — праздник, который всегда с тобой.

Одиночество

Одиночество. Это страшное слово, страшное состояние. Одиночество — это страх.

Страх перед смертью — хочется жить. Страх перед жизнью — нет, лучше умереть!

Одиночество — состояние неопределённости и пустоты. Хочется делать что угодно, только не оставаться наедине с собой, со своим сердцем, не чувствовать, как медленно сходишь с ума...

Одиночество гнетёт. Это искусственный пессимизм. Это состояние души, а в какой-то мере даже черта характера. Одинокий не может избавиться от одиночества, однажды побывав в нём. Это — как смерть, маленькая смерть, которая не отпускает человека, даже если он вернулся, а следует за ним по пятам, неотступно, пока не вернёт его себе...

Одинокие люди не хотят меняться. Им лучше одним, несмотря на то, что они убеждают себя, что так жить нельзя. Верно — так нельзя жить. Потому что одинокий человек — не человек. В нём не осталось человеческого.

Волк-одиночка никогда не вернётся в стаю. Его подруга будет такой же изгнанницей, как и он. И они будут одинокими вместе, они будут переживать своё одиночество поодиночке и не впустят другого в свой Inner World, как бы близок ни был этот человек. Просто этот Inner World погас за семью замками, рвами и стенами. И одинокие обжигаются об угли, тихо тлеющие в сердце...

Эти угли могут разгореться, но лишь для того, чтобы погаснуть навсегда...

Они любили друг друга

Они любили друг друга. Это было так, несмотря на то, что никто из них не знал об этом. Они встретились совершенно случайно и так же расстались. Хотя в жизни всем правит маленький сын Судьбы — Случай. Она полюбила его сразу, мучительно, страстно. «Любовь — мучитель, любовь — убийца!» — говорила она. Даже её лучшие друзья, которых было всего двое, не знали об этом очень долго. Они не заметили перемены в ней сразу, но потом она не смогла больше держать эту тайну в себе — она была слишком большой для одной души. Но...

В конце концов, она решилась и призналась ему. Она ждала чего угодно — равнодушия, в первую очередь, злости... Чего угодно, но не того что произошло на самом деле. Он подхватил её на руки, завертел, а потом... заплакал. Он признался ей, что целый год, когда она не решалась подойти к нему, его душу жгло это самое страшное чувство на свете — любовь. Любовь к ней.

Она подняла голову, и их глаза встретились. Они поняли, что не могут жить друг без друга, что за те секунды, что их взгляд был одним, они узнали друг о друге ВСЕ. Это были две половинки одного большого, тёплого, светлого и любящего сердца.

Потом они попрощались. Она не позволила ему проводить себя. Она была слишком гордой. Ей надо было подумать одной.

Стук, хруст, последний крик, последний зов — и её больше нет.

Паранойя

7 число. Вещи начинают меня пугать. Вчера мне улыбнулся стул. Он смеялся и издевался после того, как я упал, споткнувшись о его ногу. Правда, ухмылка скрылась, как только я обернулся, но я заметил! Он сделал вид, что не знает меня и вообще не умеет двигаться, но я-то знаю, что это не так. Тут что-то не то. Люди вокруг шарахнулись, когда я отпрыгнул от стула, им невдомёк, что он злой. Домой я дошёл спокойно, только пару раз меня пытались укусить столбы. Объявления хищно разевали рот, как голодные пираньи, они смотрят свысока, но не достанут.

Не достанут.

Вечером телефон укусил меня за ухо. Я решил, что это галлюцинации, но утром ухо было в крови, и из него торчал провод. Телефон не работал, только хрипел. Я добил его топором и пошёл на работу.

9 число. Я не могу спать на кровати. Она пытается меня проглотить. Даже когда я лежу на полу, я не могу спать — вещи вокруг хотят меня убить. Я чувствую это каждой клеткой. Я сам в клетке.

12 число. Пришлось выбросить стол и пару стульев — они обнаглели. Стол хлопал ящиками, говорил: «Только подойди — тебе не жить!» Стулья поддакивали, ухмылялись. Когда они летели из окна, они кричали, зло, страшно. Утром, когда я шёл на работу, они были ещё немного живы. Они звали меня, но я не подошёл. Я хочу жить.

13 число. В комнате не осталось мебели. Я выбросил всё. У меня под окном теперь кладбище. Кладбище погибших хищников. Зато теперь они до меня не доберутся.

15 число. Я не могу выйти на улицу. Машины меня не трогают — они заняты перевариванием своих владельцев, но есть ещё столбы, вывески... Они пялятся на меня, словно выбирая кусок послаще. Вчера на меня упало объявление, прямо на лицо. Оно проглотило его за один присест! Теперь я — человек без лица. Но они узнают меня, по запаху, по походке...

16 число. Мой дом — моя крепость. Только серые стены. Но... что там шевелится?! Двери? Окна?! Неужели и они? Нет! Не трогайте меня!! Нет!!!

Прохожий

Цветы испуганно прижимались к земле, закрываясь листьями от тяжёлых, будто свинцом налитых капель внезапно начавшегося дождя. На асфальтовой дорожке, идущей между клумбами, валялась уже порядком размокшая газета. Ветер ещё пытался её прогнать, но дождинки припечатали её к асфальту и теперь смывали лица и события. Политики, певцы, войны, встречи текли тёмным ручейком разведённой дождевой водой типографской краски.

В начале дорожки показалась одинокая фигура мужчины. Он торопливо наступал в лужи, уже успевшие появиться на дорожке, тихо чертыхался себе под нос, шумно стряхивал капли, разлетающиеся радугой под фонарём, и наступал в следующую лужу.

Ему под ноги попала газета. На секунду тяжёлый след его ботинка застыл на мокрой бумаге таинственным тёмным узором, но уже перестал сопротивляться — и поплыл, скрылся, подталкиваемый миниатюрными водяными потоками.

Мужчина дошёл до конца дорожки, на какое-то время застыл под последним деревом, услышав перестук каблуков по асфальту. Сюда шла женщина. Её светлые волосы разметались по плечам, она счастливо улыбалась. Когда она поравнялась с деревом, под которым стоял мужчина, послышался щелчок. Она неловко осела, завалилась набок, — и так и осталась лежать, бессмысленно и недоумённо улыбаясь тёмному небу, ловя капли на себя. Её платье тихо меняло цвет с алого на багряный тёмной воды.

Мужчина шёл назад по аллее, наступал в лужи, тихо чертыхался себе под нос. Опять наступил на газету — теперь уже белый лист: ни лиц, ни событий — хочешь, начинай историю заново... Вот уже его силуэт пропал, растворился в укромной дымке капель...

Всё ещё шёл дождь.

Прямой путь

— Пойдём с нами! Разве мы когда-нибудь обманывали тебя? Разве можем мы желать тебе дурного? — увещевали его друзья.

— Вы просто ничего не понимаете! И я не могу вам ничего объяснить... — отвечал Диего, продолжая идти вперёд. И друзья говорили:

— Путь, ведущий в неведомое, ему дороже нас. Так оставим же их наедине! — и один за другим они поворачивали. А Диего продолжал идти вперёд, казалось, ничего не замечая. Но в душе ему было очень горько, не за себя — за них, ушедших.

— Они не предали меня — они предали себя, да и то не нарочно, а по незнанию, потому что разум их не может понять, к какой великой цели я иду. Пусть их дороги снова пересекут Путь, и пусть они свернут на него! — говорил он.

Только его любимая девушка осталась с ним. Но вот подошли они к последнему повороту. Она повернулась к нему.

— Пойдём, — она взяла его за руку и повела к повороту.

— Нет! — он вырвался, пошёл прямо.

— Ты погибнешь! Пойдём со мной, пока ещё не поздно! Ты же знаешь, обратной дороги нет! — умоляла его Лилиан, та, ради которой он, казалось бы, пошёл на что угодно. Но ни к чему были её слёзы. Одного не мог он сделать — избрать поворот вместо прямой дороги.

Она обняла его. Диего опустил голову.

— Нет, любимая. В этот раз меня никто не отговорит, никто не остановит, не запудрит мне глаза. Я уже сделал такую ошибку в прошлый раз — в этот я дойду, что бы мне ни пришлось за это отдать, — сказал он, стараясь сохранить холодность, освобождаясь от её объятий.

— Даже меня? — отшатнулась она.

— Даже тебя, — помолчав немного, ответил он — не поднимая голову. Лилиан не ответила. Только стук её каблучков по дороге — но вот и он затих. Через минуту её уже не было видно за поворотом. Диего посмотрел ей вслед — но не догнал её. Он постоял немного, посмотрел ей вслед, а потом развернулся и пошёл по Пути. Вперёд. Только вперёд.

Вот уже впереди завиднелась дверь. Ещё несколько часов шёл он — и дверь оказалась прямо перед ним. Диего протянул руку, тронул её.

— За этой дверью находится то, к чему я шёл всё это время. То, ради чего я оставил друзей, презрел любовь... И ведь я даже не знаю, что это!

Дверь открылась.

Минотавр получил свою жертву.

Рассказ

Я хочу написать рассказ. Он будет таким, каких ещё не было, каких не писал ещё никто. Там будет любовь — ибо какой же рассказ о жизни без любви? А он будет именно о жизни, и о смерти, конечно — эти два явления друг от друга неотделимы. А ещё там будет счастье, много счастья — счастье безоблачное, светлое, немного наивное и немного детское будет там под руку со счастьем взрослым, с небольшой горчинкой, с небольшой тучкой на горизонте, которая будет знаменовать, что счастье, как и всё в жизни, преходяще и вечным быть не может — хотя бы потому, что оноечно в ту секунду, что оно длится.

Ещё в моём рассказе будет грусть — светлая, как слепой дождик, чтобы сравнивать её со счастьем и с радостью, которую оно приносит.

Чего ещё не хватает в моём рассказе? Сдобрю его оригинальностью, добавлю чуть-чуть сумасшествия — ведь это будет мой рассказ, пожалуй, пара-тройка романтических специй тоже не помешает. И вот — готово моё детище, мой рассказ, один из многих, но единственный в своём роде. Я смотрю на него — но разве это я ожидала увидеть? Нет... И я убиваю этот рассказ, сжигаю рукопись — ты был не прав, Воланд, они горят, и горят очень хорошо! Его огня хватит на то, чтобы сжечь этот мир... А потом, когда даже углей не останется и ветер развеет золу, я опять буду сидеть и думать над новым рассказом — ещё одним из тех, что я так никогда и не напишу.

Рассказка номер раз

Люди спешили куда-то мимо. Некоторые оглядывались, крутили пальцем у виска и бежали дальше, вдаль, по своим делам. Несколько «людей пенсионного возраста» попытались было выразить своё мнение, но уходили, не заметив ответной реакции. Некоторые тихо бормотали «Чёртовы наркомань», «Поразвелось!» и прочие неллицеприятные вещи, относившиеся к Лике. Нет, она не была наркоманкой, её ум был трезв, а помыслы чисты — насколько они могли быть чистыми в XXI веке у девушки, размышляющей о жизни, своей и не очень. Лика сидела на бордюре, у самой дороги. Широкие джинсы с колокольчиками, длинные распущенные волосы, вышитая цветами рубашка никак не сочетались с абсолютно урбанистической обстановкой вокруг, и казалось, что эта странная девушка не от мира сего, хотя, собственно, так оно и было. Не зря Лику и её немногих друзей — или тех, кто называл себя её друзьями, — обзывали неформалами. В отличие от всех остальных людей, ей некуда было спешить. Было ясное летнее утро, когда присутствие короткой ночи ещё отчётливо ощущалось во всём, а всепожирающая летняя жара не успела принять бразды правления и развернуться в полную мощь. Конец июня — самая благодатная пора. И Лика спокойно сидела, нежилась на солнце, пытаясь почувствовать его всеми клеточками тела и всеми фибрами души, не замечая никого и ничего вокруг.

А замечать было что. Увидев одиноко сидящую хрупкую фигурку, к девушке подошло несколько парней, к которым замечательно подходило определение «быдло». Они попытались завязать разговор («Ты чё тут расселась, а?» — спросил самый бугаистый), но ответа не получили. Уж слишком они не вписывались в эту утреннюю медитацию во имя спокойствия и благодушия всего живого.

— Да пошли, она ж либо глухая, либо просто ненормальная! — попытался оттащить бугаистого другой, видать, поумнее, который ещё не успел закупорить все каналы восприятия красоты.

— Нет, она пойдёт с нами! — упорствовал бугай, и поняв, что на слова Лика реагировать не будет, попытался взять её за руку и потащить.

Но девушка, казавшаяся на первый взгляд почти хрустальной, не произнося ни слова, выдернула свою руку, вернулась на прежнее место и продолжила свою медитацию, как будто ничего не произошло. Парни хмыкнули и отправились дальше — по своим немногочисленным делам. А Лика продолжила сидеть, так же расправляясь под солнцем, как помятый ненастьем куст расправляет свои листья и бутоны, сидеть и улыбаться, всем и всему, что её окружало, даря каплю своего душевного тепла и любви всему живому и неживому.

И никто не знал, что час назад под руками пьяного хирурга умер самый близкий ей человек.

Роботы

— Ты такой классный в реале, я даже не ожидала. В чате совсем другой. Тоже хороший, но другой.

— Я и сейчас другой. Я на самом деле совсем не такой, — ответил Макс своим низким голосом с металлическими нотками, которые так нравились Инне.

— А какой ты на самом деле? — спросила она, ожидая какого-то неопределённо-многозначительного ответа вроде «Потом узнаешь...» Но услышала совсем другое.

— Хочешь увидеть? Пожалуйста. Но учти — ты сама попросила.

*

Инна бежала долго, успела запыхаться и заблудиться, и теперь стояла в каком-то заросшем и абсолютно незнакомом дворе, пытаясь отдышаться и осмыслить произошедшее. На её глазах вполне симпатичный парень превратился в... хренотень какую-то, иначе не назовёшь. Потому что такое можно увидеть только в дешёвой американской фантастике, но никак не на тихой улице.

— Надо крепче спать и не глотать всякую дрянь. Это были просто глюки. Про-сто — глю-ки, — проговорила она по слогам вслух, чтобы убедить себя, но какое-то смутно-вяжущее чувство не вполне осознаваемого страха осело в глубине души. Инна постояла ещё немножко, потом собралась с мыслями и пошла искать дорогу домой.

*

Придя домой, Инна позвонила подруге Желе. Жела всегда всё знала — в частности, потому, что везде совала свой нос. Она очень хотела быть непохожей на других, и начала она перекраивание себя с имени. Нормальное человеческое имя Анжелика она превратила в Желу и не терпела других вариантов.

— ...Да, а потом, представляешь, он превратился в какую-то железную фигню, ну как в фантастике американской монстры. Роботы. Понимаешь? Я перепугалась — жуть!

— Да уж, я бы на твоём месте тоже испугалась, хотя пугаться-то нечего. Он же был простой бот, — ответила Жела.

— Чего??? В смысле — простой бот? Он что, в самом деле? И ты ничего мне не сказала? Знаешь, кто ты после этого??? — Инна чуть не упала со стола, на котором сидела в обнимку с телефоном.

— А что такого? Мало ли ботов на свете? Вот ты одного чатского встретила... Ну и что, это вообще гнилое место, этот глючный чат...

— Нет, то есть ты хочешь сказать, что Макс не был человеком?

— В смысле, «был»? Он и сейчас живой. Сидит небось дома, водяру глушит, — мечтательно проговорила Жела.

— Э-э-э... слушай, я тебе потом позвоню, ладно? — Инна повесила трубку.

«Что же это получается, дорогие товарищи? Вокруг полно ботов, а Долинина опять не в курсе... Кошмар. Может, действительно, ничего страшного? Нет уж, хренушки. Никаких роботов. Только человеки!»

*

От тоски Инна вечером пошла в чат и, как всегда, обнаружила там Макса — «zuidershoff»'а.

— Что он тут, сутками сидит?? — удивилась Инна. Только сейчас до неё допёрло, что каждый раз, когда она заходила в чат, Макс был там. Из любопытства она открыла его инфу, которую знала наизусть всю, кроме одного пункта...

«Дата последнего захода... Да где же она, чёрт побери?? А, вот...»

Тут Инна поняла, что крышу надо лечить, причём капитально. Дата последнего захода была 09.12.98, тогда как на дворе был февраль 2003-го.

— Безвылазно сидеть — никакой карточки не хватит. В конце концов, есть-то он должен? В туалет ходить, наконец! Значит... Значит! Ничего это не значит! Если он бот, значит, он существует только в сети, в каком-нибудь файле типа zuidershoff.js. Как я могла с ним встретиться? Да вообще, боты же все тупые, как пробки! Как я могла с ним говорить нормально? Идиотизм какой-то...

Тем временем, пока в её голове бежали вот такие весёлые мысли, Инна на автопилоте вошла в чат, поздоровалась со всеми — и с Максом тоже. Поговорив о птичках и погоде, Инна решила изобразить танк и попёрла напрямик.

Dolly: zuidershoff, а ты правда бот?

zuidershoff: Dolly, конечно, а ты что сомневаешься?:)

Dolly: zuidershoff, это шутка? Если да, то не смешно, блин!!!

zuidershoff: да я ж тебе показался как сущность, чё те ещё нада?

— Весело, — подумала Инна.

Dolly: zuidershoff, а я бот?

zuidershoff: откель я знаю, те виднее!

Dolly: а всё таки?

zuidershoff: не знаю я! Чё пристала??

— Вполне по-человечески, кстати, пишет. Даже с опечатками. Нет, что-то тут не то! — заключила Инна. Вырубилась инет и позвонила Желе.

— Жела, признавайся, кто ещё бот?

— Инка, ты что, сдурела? Какие боты? Пить надо меньше. Третий час ночи! — вполне бодрым голосом послала её Жела и повесила трубку. Инка уловила знакомые металлические нотки в её голосе...

— Стоп. А это надо проверить.

Взяв со стола записную книжку, Инка начала обзванивать всех знакомых. Металлических ноток не было только у двух человек. У Кащея — Ромео

Сковородкина, с которым ей пришлось учиться в одном классе. Это был типичный идиот. Настолько типичный... Просто гопник. Мерзкий. Отвратительный. В нормальном состоянии Инка никогда не стала бы звонить ему по своей воле. Но в данный момент её состояние нельзя было назвать нормальным. Далеко не, вовсе не, совсем не... Вторым же человеком был кто-то неизвестный. Его номер был записан на последней странице блокнота. Без имени и без каких-либо опознавательных знаков. Просто номер. Кстати, это были единственные два человека, голоса которых были сонными, а трудно поверить, что нормальные люди в таком количестве не спят по ночам.

В каком-то сомнамбулическом состоянии Инка договорилась с Ромео встретиться завтра в час. «Почему этого идиота назвали Ромео? Нет бы там какой-нибудь Петя. Пётр Сковородкин. И звучит вполне прилично. А Ромео Сковородкин — тьфу!» Nowhere Man, как назвала для себя Инка человека на последней странице, сказал, что придёт к ней сам. Странно вообще как-то получилось.

Размышления Инки прервал трубный глас с улицы: «Давайте не будем больше прятаться! Боты!», — а потом какое-то длинное, непонятное и очень умное, местами неприлично звучащее слово. А потом...

*

Сидя на камушке довольно трудно заснуть. Даже если не спала двое суток. Даже если больше спать негде. Инка в очередной раз попыталась устроиться поудобнее, но поняв, что это бесполезно, встала и пошла искать людей, пытаясь припомнить последние события.

«Сначала этот крик... А потом Великая Ботная Революция... Долой людей... Интересно, есть ещё кто-нить живой, кроме меня?» — думала Инка, пробираясь по канализации. Когда в её дом начали ломиться, в окно втянулась какая-то субстанция, схватила Инку и швырнула в канализацию, пробормотав: «Привет от Макса! Так будет лучше», — и улетев после этого. И уже двое суток Инка сидела в канализации и боялась выглянуть наружу. Внезапно Инка услышала храп. Этот вполне домашний звук не очень вписывался в каменный уют склизкых стен и мокрого пола. Инка пошла на звук и нашла Кащея. Звук, который она приняла за храп, издавал его мобильник.

— О, Долинина, дарова, — Кащей попытался улыбнуться.

— Ну привет... А что ты ту делаешь?

— То же, что и ты. Жду. Трудно было угадать, наверное!

— А есть ещё... живые?

— Ага. До хрена.

Свои весьма немногословные выступления Кащей хорошо разбавлял артиклем «бля», который вставлял после каждого слова и знака препинания.

— А ты не бот случайно? — поинтересовалась Инка.

— Кто? ЩА как дам!

«Не бот. Они умнее», — определила Инка.

— Успокойся ты. Не ори.

— Это... а чё, людей нету шоли больше? Тока мы одни? — дошло до Кашея.

— Чёрт его знает, не знаю. Пока так.

— Так это это... размножаться надо! Я в фильме видел по телеку! А то выйдем!

— Ты и так выйдем! Я лично поспособствую, если не заткнёшься!

— Ну смотри... Я ж потом могу и не согласиться!

— Господи, вы посмотрите, какой щедрый...

— Ну-ну...

Инка решила уйти. Внезапно из-за угла вышла Жела, в драной майке и джинсах.

— Так ты тоже не бот! Вот и хорошо!

— Ты в этом уверена? — каким-то странным голосом спросила Жела.

— Ну... вроде да... — удивлённо ответила Инка. Она не ожидала такой реакции.

— Нет. Все мы — боты. Просто некоторые другой конструкции...

Самый счастливый человек во Вселенной

Марика дочитала рассказ и выжидательно обвела взглядом притихших друзей, которые всё это время сидели тихо, как мышки, и слушали. Теперь же они загомонили хором, перебивая друг друга:

— Здорово!

— Молодец!

— Ты настоящий писатель!

Марика улыбалась, радуясь, что друзьям понравился рассказ. Собственно, она не очень-то хотела его читать, но... так получилось, что идея пришла к ней именно тогда, когда они все собрались у неё дома, а если Марика не успевала записать идею — она улетала обратно в мировое пространство. Друзья же, увидев, что она уединилась с блокнотом и ручкой, потребовали ознакомления.

— Нам же надо знать, на что ты нас променяла, — шутливо объяснил Роберт. — Да и потом, ты же так классно пишешь! Когда ты станешь знаменитой писательницей, мы будем хвастаться, что первыми его услышали.

Рассказ её был о человеке, который улыбался только тогда, когда ему грустно. А поскольку этот человек вообще не был особенным оптимистом, улыбался он почти всегда. За это ему присудили звание «Самый счастливый человек во Вселенной»: люди решили, что если человек всё время улыбается, значит, он счастлив. И никто так и не узнал до самой его смерти, что он на самом деле улыбался, чтобы не расстраивать своих друзей, которые его очень любили и всегда волновались, когда видели, что он пребывает в меланхолическом состоянии. И только наедине с собой он мог позволить себе хандрить — да и то ненадолго. А ведь он так не любил притворства...

Друзья ушли, посидев ещё немного, а Марика взяла гитару и задумалась, лениво перебирая струны.

«Неужели они так и не поняли, что это — обо мне? Да все мои рассказы — обо мне... Но они знают меня только, как оптимистку-пофигистку, которой море по колено и сам чёрт не брат. Они и представить себе не могут меня в слезах или в депрессии, потому что... да просто потому, что это я. Ну не сочетается это с моим образом».

Она думала и дальше. Вспомнила один случай — близкий ей человек плакал, а когда она спросила, в чём причина, он ответил:

— Да разве ты поймёшь, что такое одиночество? Что такое — пустота в душе? Разве ты поймёшь меня, если я скажу, что темнота ест меня изнутри? Иди своей дорогой, улыбайся, смотри на солнышко... Ты счастлива — ты никогда не испытаешь того, что чувствую я.

О, как же он был неправ! Марика прекрасно знала, что такое одиночество. Сколько раз она сидела ночами без сна, мучая свою страдальцу-гитару и тихо воя на луну от сознания того, что ей просто не с кем поговорить, не на кого выплеснуть эту тёмную горечь... Друзья — они привыкли, что Марика — их «лучик солнца», как они её называли. Да, они любили её: но никто не воспринял бы её всерьёз. Ведь никто не верит клоуну на арене, когда он начинает хныкать... Иногда Марика чувствовала себя таким

клоуном. Некоторые напрямую говорили ей, что с ней нельзя говорить о серьёзных вещах, что она только и может, что смеяться и дурить... Марика не обижалась — в конце концов, она сама создала себе такой имидж, если можно так выразиться — но от таких слов становилось горько внутри. И когда эта горечь скапливалась, Марика выплёскивала её в песнях, которые писала такими бессонно-лунными ночами. Никто не видел и не слышал их — кроме неё. Но это и были только её песни.

Именно такой ночью к ней пришёл Учитель. Его туманный силуэт нарисовался у противоположной стены. Он слушал, как поёт Марика, терзая струны, о том, как луна вынуждает овцу становиться волком и есть овец, а наутро она возвращается в стадо и недоумевает, кто же растерзал её любимую сестру. Когда песня кончилась, он сказал:

— Мне понравилась твоя песня.

— Мне она тоже нравится, — ответила Марика.

— Я слышал и другие твои песни, они тоже очень хороши.

— Может быть.

— Почему ты поёшь их только одна, по ночам?

— А ты не знаешь, Учитель?

— Знаю.

— Тогда какого же чёрта спрашиваешь?

«Может быть, это и не самый уважительный тон, может быть, не так надо разговаривать с ними... ну да он сам знает, с кем связался. Он же Учитель...»

Учитель помолчал.

— Ну что ты молчишь? Сказал бы хоть что-нибудь умное...

Учитель посмотрел на неё. Хотя его взгляд был доброжелательным, Марике отчего-то стало не по себе. У неё сложилось ощущение, что он охладил её пыл этим взглядом, полным лукавого доброго ума. Потом Учитель спросил, не отводя глаз:

— Ну и что ты собираешься делать?

— В смысле? — удивилась Марика. — Не знаю... мне впору стать клоуном. Знаешь, как в этих старых рассказах — самый весёлый клоун оказывается самым печальным человеком...

— Нет, клоун — не для тебя.

— Не хватит весёлости?

— Нет. Печали.

Марика удивилась, но не нашла, что ответить. Учитель же продолжал:

— Скажи, долго ли ещё ты собираешься притворяться?

Марика подняла глаза от грифа, и вопросительно посмотрела на Учителя.

— Что ты имеешь в виду?

— Долго ещё ты будешь делать вид, что ты — человек-солнце, а единственный способ решать вопросы — делать вид, что их нет, во всём видеть солнечный свет?

— Да ты, я смотрю, и советский рок знаешь, — не удержалась от сарказма Марика.

— Не увиливай, — строго одёрнул её Учитель.

— А что, собственно, такого плохого? Всем хорошо, я пытаюсь всем поднять настроение, шучу, веселюсь... — прикинулась она ничего не понимающей.

— Ты знаешь, о чём я. Ты можешь лгать кому угодно, но от некоторых правду не утаишь.

— Но... знаешь... мои друзья ведь привыкли, что я вот такая вот, вся искрюсь весельем... А вдруг им не понравлюсь я — такая, какая есть, обе части, а не только одна — светлая?

— Если они действительно твои друзья — то они примут тебя такой, какая ты есть. А если нет — почему ты беспокоишься?

— Ну... я подумаю...

— Хорошо. Но позволь мне показать тебе кое-что.

Учитель поднял руку, серебристое облако появилось на середине комнаты. В нём Марика увидела себя — как она читает друзьям рассказ и не понимает, почему до них не доходит, что он о ней... как она шутит, и как от неё убегает Меру — потому что считает, что она не поймёт, что с ним, потому что он любит её слишком сильно, чтобы объяснять, знакомить её с этим...

Потом начались события, которых (ещё?) не было: весёлые выступления, сначала в школе, потом дальше, дальше... вот её показывают по телевидению на всю страну... она становится известной, как «девушка-солнце»... вокруг всё время есть какие-то люди, а она улыбается и развлекает их...

А потом она увидела авиакатастрофу, своё тело — почти не изуродованное — в гробу, вокруг толпы людей...

— Нравится? — спросил Учитель. Марика вынырнула сознанием из этого облака.

— Ну... в общем, ничего не имею против, — ответила Марика. — Правда, умирать не очень хочется, но у меня же есть ещё несколько лет?

— Это была внешняя сторона. А вот — внутренняя, ночная, которую ты так упорно ото всех прячешь.

Марика уставилась в облако... Она почувствовала горечь — люди не говорили ей о своих проблемах, не говорили ей почти ничего, потому что не хотели её расстраивать, потому что не думали, что она поймёт...

Вот она поёт песни — по ночам, для себя... Прячет листки с нотами и текстами...

Началось будущее. Выступления днём — а ночью она плакала оттого, что устала лгать.

Вокруг неё клубятся люди, всё труднее остаться одной, всё труднее найти время, чтобы выбросить отрицательное в песни, чтобы разрядиться.

И вот — ночью она поднимает глаза кверху и кричит: «Ну дай же мне смерть! Ты же видишь, как я мучаюсь, видишь, что не могу сама уйти! Я не хочу лишать этих людей веры в “девушку-солнце”! Ну дай же мне смерть!»

Следующий день — катастрофа, потом похороны... Марика услышала свою последнюю мысль: «Избавление...»

— И это тебе нравится? — спросил Учитель. Облако пропало, Марика сидела на кровати, Учитель — напротив неё на диване.

— Нет. Нет, нет, я не хочу этого! Мне и сейчас несладко... Это ж до чего надо было дойти, чтобы просить смерти?!

— Чтобы просить смерти, много не нужно. Но чтобы её получить...

Марика оборвала его.

— Нет, я не хочу этого.

— Ты ведь знаешь, что тебе нужно делать?

— Да, знаю, — она опустила голову в знак согласия, а когда подняла — Учителя в комнате уже не было.

*

Завтра она опять соберёт всех друзей — всех, кого она так называла. Она споёт им свои песни и расскажет, как она чувствовала себя всё это время.

Завтра она узнает, что кое-кто из них любил её только в состоянии солнца. Но большинству она пришлась по душе куда больше в целом варианте.

Завтра Меру попросит у неё прощения за свои слова.

Завтра... всё это будет завтра.

А пока Марика спит. В первый раз за несколько лет она спит лунной ночью.

И она — самый счастливый человек во Вселенной.

Сердце среди кулаков

Он смотрел на зрителей. Кулаки, кулаки, кулаки... Все они показывали вниз, на землю. На него. Противник стоял одной ногой на его груди и, улыбаясь, смотрел на кулаки, приказывающие убить. Поверженный гладиатор осмотрел трибуны ещё раз и приготовился достойно встретить смерть, но его внимание привлекло странное сияние. Среди кулаков он увидел сердце. Победитель тоже заметил его. Но никто не понимал, откуда оно взялось, пока его обладатель не встал, представляя себя на всеобщее обозрение. Это был юноша, не очень высокий, довольно худой, неброско одетый.

Император ещё не вынес свой приговор. Он смотрел на трибуны и думал. Обычно он выносил приговор в зависимости от желания зрителей — от того, какой результат пересиливал с их стороны. Но — за что считать сердце?

В конце концов он решился. Он выставил вперёд руку, но его большой палец был прижат к остальным, не оттопыриваясь ни вниз, ни вверх. Победитель удивлённо смотрел на императора, не решаясь что-то делать. В конце концов он пошёл лично спросить, что от него требуется.

Проигравшему уже было всё равно — он умирал от ран. Он посмотрел ещё раз на сердце среди кулаков. «Мир тебе, Данко!» — произнёс он.

Это были его последние слова.

Светлячок

Яркий свет костра, языки пламени, рвущиеся вверх, искры, летящие в небо яркой ракетой — всё это околдовывало, пленяло, уносило куда-то далеко, выше звёзд... Зур сидел довольно далеко, но всё равно чувствовал жар, идущий от огня, а свет заставлял щуриться, но и звал подойти поближе.

Внезапно Зур услышал шаги. Он юркнул в тень и постарался не светиться. Кто мог прийти к костру ночью? Все ушли почти полчаса назад, оставив догорать пару больших полустлевших коряг, вот Зур и вышел посмотреть в огонь и понаблюдать фейерверк искр, снопом вырывающийся из куска дерева. За такую возможность Зур готов был заплатить дорогую цену. Он полюбил смотреть на огонь с тех пор, как впервые увидел его, всю его мощь и величие. Тогда молния зажгла сухое дерево, после чего дождь почему-то сразу прекратился. Зур прятался под тем деревом и еле успел отбежать, но вид горящей громадины, пляшущих языков огня навсегда остался в его памяти захватил его.

Зур повернулся, чтобы посмотреть, кто пришёл. У костра кто-то сидел, подвинувшись ближе, Зур узнал девушку — это она разожгла костёр. Теперь она сидела, обхватив руками колени, и смотрела в самое сердце пламени, слегка улыбаясь чему-то...

На фоне тёмного, почти чёрного неба её лицо, освещённое медно-красным отблеском огня, принимало какой-то ведьмоподобный вид. Слегка взлохмаченные и чуть рыжеватые — или так только казалось от пламени? — волосы, зелёные глаза, широко открытые и, как показалось Зуру, смотревшие вглубь её собственной души, и странно-отчуждённое выражение лица довершали картину. Казалось, маленькая колдунья отбилась от шабаша и пришла ворожить сюда, к костру, который Зур уже считал своим.

Зур подвинулся поближе, потом ещё. Девушка не замечала его — по крайней мере, не выказывала никаких признаков обратного. Он осмелел и придвинулся как можно ближе к костру — ночной холод уже не был освежающей и приятной прохладой вечера, возвращавшего к жизни после испепеляющей дневной жары, давящей на нервы. Зур подумал, что, наверное, как раз из-за жары он сегодня поскаandalил со всеми родственниками и друзьями и теперь сидел в гордом одиночестве — если не считать этой девушки, которая делала вид, что у костра не было никого — в том числе и её самой.

Зур смотрел в огонь. Вдруг что-то зашипело. Зур испуганно оглянулся, потом посмотрел на девушку, на её лицо... Сомнений не было — шипели её слёзы. Зур хотел было закричать: «Не плачь!» — но испугался и только подумал, однако получил ответ — такой же мысленный. «Не могу...»

«Можешь! Почему ты плачешь?»

«Ты всё равно не поймёшь, кто бы ты ни был, тем более, что я не знаю, кто ты и ты ли это, а не я сама...»

«Это я, Зур!» — возмутился Зур от такого наглого отрицания своего существования. Конечно, он был не самым громадным существом на Земле, но он же жил!

«Хорошо, я верю тебе. Я хочу уйти, Зур. Совсем уйти и больше не возвращаться... Я никому не нужна здесь, понимаешь?» — ещё две слезы-жемчужины упали в костёр и зашипели.

«Ты не сможешь уйти, пока горит костёр», — ответил Зур.

«Я знаю... Мы — одно целое».

Девушка ушла в себя, а Зур ринулся за ней, пока она не ушла слишком далеко, на слишком большую глубину, откуда уже нет возврата...

Из-за деревьев вышло ещё несколько людей, но Зур даже не спрятался. Ему было слишком трудно даже дышать, его огонёк погас, крылышки смялись, но он вытащил к свету эту девушку, несмотря на то, что даже имени её не знал. А она улыбнулась, завидя друзей, подошла к Зуру и тихо-тихо, чтобы он один слышал, сказала: «Я люблю тебя, Светлячок!»

Странная штука — любовь

Женя металась по квартире, не зная, куда себя деть. Она не видела его уже три дня. Тогда они не очень дружелюбно распрощались, хотя он и попросил прощения. И всё. Он не отвечал на письма, не перезванивал с пейджера после её слезливых сообщений, аська сказала, что пользователь удалил её из листа, а телефонные звонки срывались один за другим... «Всё!», — решила Женя, немислимым усилием воли заставив себя сесть на диван. «Я поеду к нему! Может, что-то случилось? Может...» — она говорила себе всё, что могло её успокоить в данный момент, — а ей бы пришлось по душе даже известие о его смерти, только не то, что он бросил её.

Зазвонил телефон. Подруга Ирка, типичная подруга, можно сказать, которая всегда знала все сплетни, вообще знала всё о всех.

— Жень, ну я прям не знаю, как тебе сказать, — жеманно сказала трубка.

— Что такое? Тебе опять негде жить? Или нет денег? — спросила Женя. У Ирки это было обычным делом, потому что она совершенно не умела трёх вещей: экономить, пить и отказывать, и это её частенько подводило.

— Нет, типун тебе на язык! Пока всё нормально. Дело в другом...

— Да в чём же?

— В общем, я...

— Что ты?

— Я видела твоего Виталика с Наташкой! — выпалила трубка на одном дыхании.

Женя повалилась на пол вместе с телефоном.

— К-к-когда? Может, это было... в смысле, ничего серьёзного? Может они просто...

Женя пыталась настроиться на то худшее, чего она так опасалась.

— Женя, когда люди целуются так, как они, «ничего серьёзного» тут абсолютно ни при чём, — авторитетно заявила трубка.

— .....

Упавшая на пол трубка долго вопила Иркиным голосом: «Женя! Только не делай ничего такого! Подумаешь, козёл, мало ли их! Я сейчас приеду! Не уходи! Женя, ты меня слышишь?????» Женя не слышала. Женя спешно одевалась, чтобы ехать к Виталику.

*

Наташку люди часто называли шлюхой, проституткой и прочими нелестными для девушки прозвищами. Собственно, по сути, они были правы, потому что мужчин Ната меняла, как перчатки. Но сама этого не замечала, это давно вошло у неё в привычку. И она ненавидела всех, кто думал о ней с нехорошей точки зрения. И особенно Евгенику, с которой и в школе они учились в одном классе, и в универе попали в одну группу... Теперь же ей выпал такой шанс отомстить ей за всё!

Виталик, которого Женя любила больше жизни, был с ней уже три дня. Для замысла Наты это был большой срок.

*

Женя нетерпеливо позвонила в дверь и теперь стояла на площадке, переминаясь с ноги на ногу от нервозности, которой, казалось, было пропитано всё вокруг. «А вдруг Ирка ошиблась? А вдруг это был кто-то другой, не Виталик? Как он мог запасть на Нату???» — думала она, пока за дверью слышались тихие ругательства и шварканье замка. Наконец, дверь открылась, и на пороге появилась Ната Карпова собственной персоной.

— Где Виталик? И что ты тут делаешь?? — не здороваясь, произнесла Женя, сиюсь не кричать.

— В магазин пошёл. А ты тут откуда? — поинтересовалась Наташка.

— Что. Ты. Тут. Делаешь???? — практически проорала Женя ей в лицо, эту наглую прокуренную и проштукатуренную морду.

— Спокойно! Ты мне тут сцены супружеской верности не устраивай. Был твой Виталик, стал мой. Всё? Тогда концерт окончен. Вали отсюда, пока я добрая, — с этими словами Ната захлопнула дверь перед самым её носом.

*

Женя брела неизвестно куда и неизвестно зачем, изредка останавливаясь, чтобы утереть слёзы, которые застили глаза.

«Сволочь! — думала она. — Просто слизняк! Разве он после этого мужчина? Спрятался за юбку... Нашёл тоже, за чью! Почему же я плачу? Наверное, потому, что это просто привязанность... Такое чувство, будто кусок жизни оторвали с мясом и кинули собакам... Жизнь рушится, и то, что было так привычно, исчезло... Теперь всё начинать сначала... Но я не смогу... Просто не смогу... Мы слишком долго были вместе! Нет... Пойду к реке... она утешит, поймёт...»

Если бы Женя обращала внимания на людей хотя бы вокруг неё (а их она расталкивала, не замечая), то она бы заметила, что один парень, которого она чуть не уронила, посмотрел ей вслед и пошёл за ней — на почтительном расстоянии.

*

Женя устроилась в любимой выемке на парапете, в той самой нише, где они с Виталиком так часто сидели и делились самыми сокровенными тайнами, вообще всем изнутри. Раньше там был Чугунный ангел. Теперь его ангельская душа разделилась на две простые — человеческие, и поселилась в Виталика и Женю, — так гласила легенда, придуманная их друзьями и приятелями. Женя решила, что дождётся темноты, а потом... река всегда вынесет тело. Плакать по ней некому. Ирка занята более насущными делами — разве что будет иногда вспоминать, но со временем реже и реже, а потом и вовсе только под Новый Год — Женю угораздило родиться 30 декабря. А Виталик — что ж, если он так быстро выбросил её из сердца, то и из памяти выбросит быстро.

Когда Женя развлекала себя такими мыслями, в нишу влез ещё какой-то субъект.

Сначала Женя подумала, что это обычный бомж, но для бомжа этот субъект был слишком молод.

— Вы ещё кто? — не слишком вежливо поинтересовалась она.

— Я? Человек. Если вы хотите знать, что я здесь делаю, то я здесь сижу. И думаю, что такая милая девушка делает в этой грязной дыре, да ещё и вся в слезах... Может, вы мне подскажите? — субъект улыбнулся.

— Может быть. Но скорее всего я попрошу некоего улыбочивого молодого человека удалиться из этой грязной дыры и не мешать милой девушке сидеть в слезах, если он не хочет попробовать, холодна ли вода в это время года, — в тон ему ответила Женя.

— Как жестоко... А всё-таки, почему ты сидишь здесь одна? Если хочешь, я могу угадать. Бросил парень? И наверняка с какой-то дурой, которая тебе и в подмётки не годится. Так? — субъект настаивал на продолжении банкета.

— Допустим, так, было очень легко догадаться. И я ещё раз настойчиво предлагаю вам покинуть это место.

— Подожди. А ты не думаешь, что, даже если он вернётся, он не будет любить тебя так, как раньше, и ты не будешь относиться к нему так же, как и раньше? Если он ушёл, значит у него были на то причины. И если ты будешь знать, что он может в любой момент уйти, будешь ли ты его любить так же, как и прежде? Ты ведь его и сейчас не любишь!

— Люблю.

— Не верю! Если бы ты его любила, ты бы дралась до последнего. Ты опустила руки — значит, оставила его, а, значит, он тебе нужен только в силу привычки.

— А у вас есть девушка? Вправе ли вы так рассуждать?

— Моя девушка не далее чем два часа назад заявила, что с такими придурком, как я, жить нельзя. И вообще, я ошибка природы. А вот мой знакомый, допустим, Петя — не ошибка природы, потому что у него квартира, машина, фирма и пр., и пр. Так как, я вправе рассуждать?

— Значит, вы тоже не любите эту девушку?

— Давай на ты, плиз!!!

— Хорошо, значит, ты не любишь эту девушку?

— Думал, что люблю. До сегодняшнего дня. А сегодня я подумал: а за что же я её, дуру такую, люблю? Покопался в себе. И понял, что это просто привычка и необходимость быть кому-то нужным — или думать так. Кстати, здесь становится холодно и темно. Может, переберёмся в более уютное место?

— Хорошо. Если ты объяснишь мне, зачем нужно думать, что ты кому-то нужен?

— Чтобы не падать в реку. Чтобы думать, что ради того, кто потом будет по тебе плакать, ради того, чтобы ему не было плохо, остановиться на краю. Я правильно понял, что именно упасть в реку и было твоей целью?

МЕСЯЦ СПУСТЯ

Идя из магазина, Виталик думал: «Наташа обрела мужа — домохозяйку, который всё делает и денег не берёт. Женя — по слухам, нашла какого-то, такого же двинутого, как и она. Даже Ирка умудрилась выиграть в лотерею. А я-то, дурак, с чем остался????»

Твоя жизнь

Посмотри, как ты живёшь. Нет, ты не живёшь. Да, у тебя есть дом, да, ты дышишь, ешь и по возможности спишь, но жизни у тебя нет, а, значит, и смысла, цели этой самой жизни нет как факта.

Трясина рутины, повседневности, эта **daily routine of life** засосала тебя. Ты мечешься между домом и работой (учёбой). Ты настолько занят тем, что ругаешь этот мир, что у тебя совершенно не остаётся времени на его совершенствование, да не больно-то и хотелось, собственно говоря, критиковать-то гораздо легче, чем делать что-то самому.

В этой трясине ты увязаешь всё глубже и глубже, но хочу тебя обрадовать: дна ты никогда не достигнешь, потому что его просто нет. И пока кто-нибудь из тех высших, неведомых, которые, оказывается, распланировали всю твою жизнь и на которых так удобно сваливать все твои неудачи и промахи, пока кто-нибудь из них не осушит это болото, ты не остановишься и не начнёшь выбираться из этой грязной и вонючей ямы. А пока ты шарахаешься от каждого куста, боишься каждого комара и неукоснительно следуешь принципу «дают — бери, бьют — беги», внушённой тебе в детстве. Вперёд не лезешь, но и не отстаёшь, держишься в середине, чтобы понезаметнее. Ну что ж, это твоё дело. Приятного тебе заплыва в болоте, на глубины «жизни» — а по-нашему, по-Людски, СУЩЕСТВОВАНИЯ.

Трудно быть богом

Глава 1

Как обычно, в четверг — «благой день» — всё население деревушки в возрасте до восьми лет собралось у старой Энги. Такая уж была традиция. На самом деле, Энга не была уж такой старой — ей было лет сорок — но всё та же традиция практически обязывала называть «старыми» всех женщин её положения: знахарки, шаманки (шаманицы?), ведуньи, пророчицы, да и бог знает кого ещё — в общем, того, кто отвечал за магию в этой деревушке. От неё же младшее население — эти самые, до восьми лет — получали начальное религиозное образование.

Сегодня по программе был миф о Анголе — юноше, в тело которого воплотился Бог, чтобы сподручнее было общаться с подчинёнными — то бишь, людьми. Но просчитался: никто не поверил, что никому неизвестный Ангол вдруг ни с того ни с сего стал Богом, и даже чудеса, которые он творил, никого не убедили — всё сваливали на удачное стечение обстоятельств. Бог старался как мог, но попусту, и в конце концов обиделся и наслал на непонятливых всякую гадость, вроде эпидемий и засух, чтобы слегка прояснить им мозги. Насыл гадости он не преминул предварить громкой и нудной лекцией устами Ангола.

Гадости подействовали — народ начал соображать, но слишком поздно: Бог, завершив спич, из тела Ангола вымелся по месту жительства (на небо, вероятно), а собственный дух юноши не решился обитать в одной оболочке с Богом и добровольно ушёл в Nirvanу. Поэтому просветлённому народу достался лишь хладный труп, который и был похоронен с максимально возможными почестями.

От эпидемий и засух оправлялись долго, поэтому миф жил в веках.

— И говорят также, что перед тем, как покинуть тело несчастного юноши, будто бы сказал Бог, да придёт царствие его на Земле, что ещё раз явится к нам в образе юноши, чтобы проверить, так ли мы глупы, как кажемся, или то было только помрачение рассудка, — рассказывала Энга окружившим её детям.

«Ага, а то он, Бог, не в курсе, как всё было. Ему, вроде бы, положено», — усмехнулся про себя Лири. Полное имя его было Лирапетрус, но так его никто, естественно, не звал (разве что родители в минуту особо сильного гнева), да и не любил он такое неуклюжее имя. Лёгкое Лири было ему по душе куда больше.

— И что, он может в любой день в любого человека вселиться? — уже вслух спросил он у Энги.

— В любой день, но не в любого человека. Должен это быть юноша, чист и невинен, аки агнец, — объяснила она. — Скорей всего, малый годами — чем старше, тем больше грязи налипает на душу, что ж тут поделаешь...

— А вдруг его опять не признают? — не успокаивался мальчик.

— Как можно! Один раз уже ошиблись, хватит! Следы тех бедствий до сих пор сохранились в памяти! Нет уж, признаем, и ещё как признаем! — прямо зашлась словами Энга.

«А не сыграть ли мне с ними шутку?» — начал зарождаться замысел в не по годам развитой голове Лири. Нет, он не хотел ничего плохого — только развлечься, посмеяться над глупыми «деревенщинами», как он высокомерно называл соседей. Сам-то он вырос в городе, где до недавнего времени жил вместе с родителями и младшей сестрой. Но полгода назад неведомая болезнь началась в городе, и поражала она почему-то только маленьких мальчиков. Три дня лежали они, не двигаясь и даже почти не дыша, — а потом умирали, тихо, незаметно. И поэтому его от греха подальше отправили в деревню. Собственно, зараза закончилась ещё месяца два назад, но родители не собирались его забирать. Официальной версией причины задержки было то, что «лучше перебдеть, чем недобдеть», как ему объясняла всё та же Эгна — информационный центр деревни (потому что только у неё был телефон и старенький радиоприёмник, время от времени способный передавать новости). Неофициальную же Лири понял сам: родители хотят в кои веки насладиться обществом друг друга. Маленькая Мари не могла этому помешать, потому что целыми днями спала в своей кровати или играла с няней — ей был всего год. А вот Лири — мог. И поэтому торчал в уже опостылевшей ему деревне.

Помимо того, что он был «городским», Лири был ещё и очень умным и способным ребёнком. В свои неполные восемь лет он хорошо умел читать, писать, считать, знал много интересных вещей и прочёл много книг. При сравнении с ним его деревенские ровесники вызывали лишь улыбку. Точнее, вызвали бы: Лири сразу понял, что лучше не высовываться особенно со своими знаниями, а то ещё объявят исчадием ада. Религиозность местных жителей граничила с фанатизмом, и то и дело граница порывалась исчезнуть. Поэтому-то Лири и не сомневался, что шутка выйдет на славу.

Глава 2

На следующий день Лири играл со всеми в мяч. Но — как раз когда мяч летел к нему, и всё обещало его команде верный выигрыш, — он вдруг пошатнулся и упал. Потом поднялся — и чужим голосом сказал: «Слушайте и внимайте, ибо не отрок глаголет, но Я — устами отрока».

Глядя на вытянувшиеся физиономии своих приятелей, Лири еле сдержался, чтобы не заржать, как лошадь. Конечно, никто в него не вселился, — вообще он не особенно верил, что это возможно. Но сделать голос чуть пониже — это не проблема, а научиться витиевато глаголить — дурное дело нехитрое, тем более что Энга всё время таким штилем изъясняется.

«Уточнить, что ли, какое такое “Я” моими устами глаголет?» — подумал он. Но тут, наконец, молчание сменилось воплями. Все наперебой звали Энгу. Впрочем, кое-кто и маму с папой и прочую семью...

Через несколько минут всё население деревушки обступило малолетнего шутника. Энга вышла чуть вперёд и склонилась перед ним. Её примеру последовали и все остальные.

— Много зим назад я сказал: возвращусь на землю вашу в теле отрока вашего. Верите ли мне? Ждали ли меня? — Лири родил эту высокопарную фразу, а сам то и дело давил хохот, так и норовивший вырваться наружу. «Да

уж, сейчас рассмеяться — это и шутку испортить, и костей потом не собрать», — подумал Лири. И тут ему стало не до шуток. Он блестяще продумал всё, кроме одного — а как объяснить разъярённым односельчанам, что это всё была всего-навсего шутка? Покалечат ведь... «Ладно, что-нибудь придумаю», — решил Лири.

Тем временем Энга начала говорить. Отогнав от себя мрачные мысли о ближайшем будущем, Лири без труда поймал главную мысль её спича: Да, да, помним и любим. Наш вам вэлкам. Чувствуйте себя как дома. Не соизвольте ли откушать, чего Бог послал (тут некоторые позволили себе улыбнуться — дескать, чего послал, то и лопай, но улыбки быстро исчезли).

— Что ж, пожалуй, готов я вкушать то, на что вы употребили дары мои, — согласился Лири. «Чёрт, а изъясняться этим корявым языком всё сложнее и сложнее...»

Но в ближайшие несколько часов он не смог бы ничего изъяснить по простой причине занятости рта. Лири никогда бы не думал, что можно кусать, жевать, глотать, и пр., и пр., в течение такого длинного промежутка времени. Обычно он перехватывал пару ломтей хлеба с маслом, запивал чаем и был доволен. Не совсем, правда — дома он привык пить кофе, — но откуда благородному напитку взяться в деревне, где радио — чудо из чудес? А теперь... он бы никогда не подумал, что существует такое разнообразие блюд, что он попробовал. А они всё прибывали и прибывали... Лири вконец осоловел и заснул.

Глава 3

Наутро он проснулся — и хотел было по привычке вскочить на ноги, выбежать во двор, поздороваться с Солнцем... но не тут-то было. Около него стояло несколько мужчин. Один из них повернулся к нему.

— Ваше Божие Высочество изволило проснуться? — спросил он. Лири аж передёрнуло от корявого титула и слащавых слов. «Нет, надо кончать этот балаган. Вот уже и титул изобрели... Да и вообще — если я всегда буду питаться так, как вчера, я просто-напросто лопну», — решил он. Правда, внушали опасения габариты его охранников... ну да ничего, не убьют же, в конце концов, а прочее поправимо. Да и, в конце концов, можно сказать, что Бог вымелся. Погостил денёк — да и вернул обратно дух презренного раба своего Лирапетруса (ну и гадость это имя! И где выкопали?). Да, так и надо сказать. Сделать вид, что ничего не помню, очнулся от забытья, а тут — дяденьки...

— Какое такое величество? — спросил Лири, приняв решение. — Вы что-то не то...

— Проверять нас изволите, Ваше Божие Величество? — ещё слаще улыбнулся мужчина. Остальные тоже повернулись к нему, и улыбались один слаще другого — прямо хоть мёд собирай с их улыбок.

— Какое величество? Я — Лири! — повысил голос мальчик. У него появилось нехорошее чувство внутри...

— Да, хорошо, можем называть Вас именем телесной оболочки. Может, вам больше понравится полный вариант — Лирапетрус? — вежливо поинтересовался мужчина.

«Издевается», — решил Лири.

— Нет, никаких Петрусов! Лири! И почему ты ко мне на вы, дядя Стефан? — Лири наконец вспомнил, как звали этого мужчину. Да, точно, дядя Стефан, через «ф», он ещё удивился, имя такое редкое...

— Лири, ну как же можно — к Богу, и не на Вы? Вы уж простите, не знаю, как ещё выразить моё к Вам уважение, от которого я могу сей же час пасть на колени и начать лобызать ваши ноги... — Стефан и впрямь вознамерился это сделать, но Лири ноги поджал и по привычке сказал «Не тяни в рот всякую гадость», как говорил малышам на улице, когда те собирались попробовать на вкус чрезвычайно аппетитную щепку, или вообще кусок фекалий. Они же маленькие, не объяснить... Но тут-то — взрослый мужик, а туда же. И говорит на этом птичьем языке, можно подумать, Бог нормальный не поймёт... Богу вообще положено на любом языке понимать. Он на то и Бог.

Но тут до Лири дошёл весь ужас его положения — как Анголу не верили, что он — Бог, так ему сейчас не верили, что он — не Бог. Твердолобые сельчане были уверены, что это — просто способ проверить их преданность.

Лири надолго замолчал, думая, как бы доказать им, что он — всего-навсего неудачно пошутивший мальчик. Решение пришло само собой в лице мамы, толкавшей перед собой мальчика чуть помладше самого Лири. Дойдя до кровати, где так и лежал новоявленный Бог, она ухнула на колени, увлекая за собой сына, и начала причитать:

— Господи Боже, зачем же ты его так, прошу тебя, живота не жалея...

В общем, если отбросить тоскливые завывания, её речь сводилась к следующему: мальчик разучился говорить после того, как упал с сарая, играя с друзьями. Исправьте, пожалуйста, уважаемый Бог.

«Вот сейчас я им и покажу, что никакой я не Бог. Исцелять-то я не умею», — обрадовался Лири. Но подошёл к мальчику, уставился ему в глаза и сказал:

— Аз есмь Бог. А ну говори.

То ли такова была сила убеждения Лири, то ли просто время такое пришло — но мальчик открыл рот и внятно произнёс: «Мама, убери его от меня». Счастливая мать, разумеется, грохнулась в обморок. Чадо её убежало на улицу.

Лири был близок к тому, что последовать за тёткой, потому что всё его доказательство не только обломалось, но, наоборот, укрепило людей в том, что он и есть счастливая телесная оболочка, удостоившаяся принять в себе такого высокого гостя, как сам Бог. Подумав немного, мальчик так и не решил, хорошо это или плохо, поэтому улёгся опять на кровать и заснул.

Глава 4

Проснулся он от того, что яркий свет бил ему прямо в глаза. Приподняв веки, он обнаружил, что, во-первых, на улице уже вечер, во-вторых, в комнату набилось всё население деревни, плюс ещё энное количество народа, одетого по-городскому, с видеокамерами и прочими прибабасами.

Лири открыл глаза и присел. Сразу прокатился шорох: «Его Божие Величество проснулось!» Вот, блин, окрестили... А журналисты (кто же ещё мог это быть, с софитами, видеокамерами, блокнотиками и прочими прибабасами, призванными сохранять информацию?)... И началось:

— Как вы думаете, хорошо ли Вас приняли на этот раз?

— Соответствует ли легенда, дошедшая до нас, правде?

— Почему Вы выбрали именно это место, этот день, эту телесную оболочку?

Одна дамочка из движения феминисток все интересовалась: а почему — только юноши? Чем плохи девушки? Лири наврал ей, что ошибочка вышла: в тот раз просто случайно получилось, а когда уходил — зол был, вот и ляпнул «юноша». А тут уж и думать нечего — все готовились увидеть его в оболочке мужского пола... Примерно такую же байду накатали он и остальным. В конце концов, все его вещи собрали, посадили в персональную машину (красивую, со всеми удобствами) и увезли в столицу. Лири, собственно, особенно не возражал против такого поворота событий. «В столице — моя семья. Интересно, как они отреагируют на наличие Бога в семье?» — думал он, пока машина ехала по шоссе навстречу его будущему...

Вскоре они приехали. Машина остановилась возле весьма аляповатого, но всё равно роскошного здания: бывшая резиденция президента теперь называлась «Резиденция Бога», — так гласил плакат над входом, заслонявший прежнюю вывеску. «Куда, интересно, президента дели?» — механически подумал Лири, выходя из машины. За руку его держала какая-то женщина — ослепительно красивая, из тех, что посещают сны всех мужчин после сорока... Она довела его до комнаты и сказала: «Это будет ваша спальня».

Глава 5

На новом месте Лири долго не мог заснуть. Когда же ему, наконец, показалось, что он заснул, сумрак в дальнем углу комнаты соткался в какое-то подобие человеческой фигуры — то в плаще, то ли просто очень тучной... Этот человек позвал его:

— Лири!

Мальчик встрепенулся и уставился в тот угол, откуда шёл голос. Он подумал, что вряд ли бы эти «затюканные религионцы», как он окрестил всех, поклоняющихся ему, нарушили его сон.

— Лири! — позвали его ещё раз. Наконец, он заметил человека в сумраке.

— Что? Ты кто?

— Я — тот, за кого принимают тебя. Ну как, нравится тебе в новом облиции? Или фигово тебе?

Лири прикусил язык. Слово «фигово» в исполнении Бога приятно резануло слух — всё-таки не такими словесами он разговаривает, и хорошо. Казалось бы, полтора дня только прошло — а он их уже наслушался на всю оставшуюся жизнь.

— Не нравится... А они мне не верят, — хныкающим голосом начал он отвечать, надеясь проехать на правах ребёнка. Мол, чадо неразумное, не ведаёт, что творит... — Я пошутить хотел. А оно вот как... — он обвёл глазами комнату, показывая, как именно оно вот.

— Да ясно это всё, думаешь, я не знаю? А вот скажи, как ты думаешь, почему они так? — тут голос стал чуть менее мягким — вроде еле заметно, а разница-то большая...

— Не знаю... Они все религионцы! То есть, кроме религии своей, не мыслят ничего, — попробовал объяснить Лири.

— Оно конечно. Но не только. Если б я хотел, я бы это всё безобразие устранил не то что щелчком пальцев — одной мыслью.

— Так за чем дело стало? — чуть ли не подпрыгнул на месте Лири.

— Да за тем, что не люблю я, когда выдают себя за кого-то. Пусть даже и в шутку. И пусть даже и чадо — хотя уж кем-кем, а неразумным ты точно не являешься. Вот за это — наказание тебе. Будут они тебя считать Богом до вполне определённой даты.

«Хотя не всю жизнь», — обрадовался Лири. А вслух спросил:

— До какой даты?

— А вот тут ты не прав — может, и на всю жизнь. Не забывай, я — Бог, а значит, всесилен. И мысли читаю — как раз плюнуть. А дата простая. Как только влюбишься — да поймёшь это, — так и перестанет всё это.

Лири задумался. «Когда там люди влюбляются? Лет в 14? Ну, можно потерпеть». А потом пришла ему в голову одна мысль, которую он сразу же и высказал.

— Так ты же всем управляешь! Значит, сам и решишь, когда — пора, и подошлешь кого-нибудь?

— Помилуй, неужто ты и в самом деле думаешь, что я каждым человеком управляю? Может, ещё говорю, когда тебе вдыхать, а когда — выдыхать? Нет, в жизни я вмешиваюсь только в крайних случаях. Сами, сами! — Бог даже руками взмахнул в негодовании: эка, мол, напраслина на него возведена.

— Так что, ты не знаешь, когда это будет?

Бог не ответил ничего. Его силуэт начал таять в сумраке угла. На прощание он подмигнул ему — и исчез совсем.

Глава 6

Прошло двенадцать лет. Лири стукнуло двадцать, и его всё ещё считали Богом. Он жил в резиденции. Несколько раз он пробовал выходить на улицу, но каждый раз его атаковала бешеная армия фанатов, которые дежурили вокруг резиденции круглыми сутками, чтобы только увидеть живого Бога. Со всех уголков мира они прибывали, и никакой полицейский кордон не мог их сдержать. Могло бы показаться странным, что за все эти годы никто не задал, казалось бы, сами собой напрашивающиеся вопросы: «А зачем Богу

полицейский кордон?» «Почему он сам не рассеет фанатиков?» Да, в конце концов, «зачем у Бога в комнате стоит телевизор, радио, компьютер и стереосистема, из которой всё время гремит рок, если ему по должности положено без всего этого обходиться?» Лири-то знал, почему... С четырнадцати лет — а может, и чуть раньше, — он пытался влюбиться. Но пока безуспешно. Все эти девочки, девушки, женщины, — все они были такими же фанатками, все они испытывали благоговейный ужас, просто находясь рядом с ним. А если он с ними ещё и заговаривал — бедняжки просто падали в обморок. Ни на что, кроме просто физиологического удовлетворения потребностей, он был с ними не способен, да и это проделывал без особого энтузиазма и удовольствия.

Многие семьи пытались подложить ему своих дочерей — совсем ещё девчонок и вполне великовозрастных (одна такая «Христова невеста» была 65 годов отроду). С некоторыми из них Лири проделывал свой физиологический ритуал — большинство просто выпроваживал.

Инвалидов он тоже не лечил: заявил, что если уж человек стал инвалидом, то, значит, так надо, и коли надо будет ему исцелиться — он и так исцелит, на расстоянии, обычным способом, а не надо — то и пусть с ним.

Вообще, не совсем это было понятно, на кой леший стране нужен такой Бог — хотя, конечно, прибыль от «религиозного туризма», как обозвали паломничество к резиденции Бога, была, и немалая. Да и разный фетиш — майки, кепки, кружки, и прочая хренотень — неплохо раскупались. Неплохой сувенир — майка с надписью «Я видел бога своими глазами! А ты?»

Лири хотел бы выйти в Интернет и пообщаться, так сказать, инкогнито, но и тут вышел ему облом. Его компьютер мог регистрироваться только под ником «Бог». И никак иначе. А в мире, пожалуй, не осталось уже человека, кто не знал бы, кто это такой. Только на и-мэйл ему приходило в день около пяти тысяч писем. По первому времени Лири пробовал их читать, но потом забил на это и только изредка тыкал в какое-нибудь одно наугад: содержанием они не очень отличались. «Дорогой Бог, я\мы\все тебя очень люблю\им\ят, сделай, пожалуйста, то-то и то-то, если не трудно, но тебе ведь не трудно, ты ведь бог! Аня\Мэри\Грэг\Хор детей церкви св. Иоанна»...

Часто он просто сидел и мечтал, как, наконец, встретит эту девушку. Влюбится. И весь этот — кицмар! — КОНЧИТСЯ.

«Интересно, а нормальные люди как влюбляются?» — думал он.

Иногда он вспоминал свой разговор с тем, и.о. которого он являлся.

Иногда он вспоминал Тот День, Когда Это Всё Началось.

«Олух я небесный! — клял он себя. — И надо ж было так прокозлиться!»

Глава 7

В очередной раз бродя по своей резиденции, он обнаружил нового человека. Собственно, в огромном доме всегда был кто-то, кроме него — повара, уборщицы, все эти люди, призванные обеспечивать ему комфортное существование. Они тоже были фанатами от религии — но условием их пребывания около вождя божества было то, что они не будут бегать

за ним, как оголтелые, или падать без чувств. Но всех тех, кто здесь работал, он уже давно и хорошо знал. Эту же видел впервые.

Это была девушка, и девушка редкой красоты. Лири подошёл к ней.

— Ты кто? — спросил он. — Новая уборщица?

— Да, — ответила она. Никаких вам «извольте» и прочей мишуры. Лири кольнуло в сердце сладостное предчувствие встречи с нормальным человеком.

— Иди за мной в мою комнату. Там грязно, хочу, чтобы ты убрала, — сказал он. На самом деле он бы ни за что не допустил, чтобы её руки — такие хрупкие! — что-то убрали, но надо же было выдумать благовидный предлог! Правда, зачем он ему понадобился — объяснить он бы не смог. Он мог выбрать любую женщину из обслуживания, и та с радостью отдалась бы ему, не отходя от рабочего места — объяснение «так надо» всех вполне устраивало.

Они пришли в его комнату, занимавшую половину первого этажа, и совмещавшую столовую, гостиную и спальню.

— Где грязь? — спросила она.

— Нет никакой грязи, мне просто хотелось с тобой поговорить.

— Поговорить? Или...

— Никаких или. Просто поговорить. Ты кто? И почему с такой красотой работаешь уборщицей?

Девушка распахнула глаза до предела и уставилась на него. Потом овладела собой, и сказала:

— Ну ты же — Бог, должен бы знать... Хотя... Слушай, а ты точно — Бог?

Глава 8

Лири чуть не упал с того, на чём сидел. Такой вопрос он слышал впервые.

— Честно — нет, — признался он. «Вот сейчас она и кирдыкнется», — подумал он. Но ничего такого не произошло.

— Так я и думала, — спокойно ответила она. — Жаль.

— Может, всё-таки ответишь на вопрос? Я вот на твой ответил, хотя сижу, как идиот, и ничего не понимаю. Как я сказал, я не Бог, и могу и знаю далеко не всё, — тут Лири улыбнулся.

— Хорошо. История моя простая. Я в нашей семье была старшей дочерью. А семья у нас была большая — мать, отец, их родители, пара прауродителей, ну и дети — мои братья-сёстры — мал мала меньше, сама не знаю, сколько их... А главная надежда в семье была на меня, ибо я всё-таки не уродина.

«Да уж... не уродина — и всё??? Да более прекрасных я не видел и вряд ли увижу!» — чуть не заорал Лири. Но почему-то сдержался. Девушка же продолжала свой рассказ.

— Каждый вечер перед сном все дети собирались вокруг матери, и она начинала вечную свою сказку, начинавшуюся словами: «Вот вырастет Эми, выйдет замуж за богатого жениха». А я тогда уже была не маленькая —

двенадцать мне было, — и тогда уже мне эта сказка наскучила. Наверное, потому, что про любовь, или про красоту жениха, или про что-то в этом роде там никогда не упоминалось. А описывалось только житьё, еда, всякие салфеточки... Бррр! А что я найду этого самого богатого жениха, никто и не сомневался: красива, не дура, из хорошей семьи — что ещё надо-то? Только вот меня никто не спросил. И вот, в один день я взяла и сделала себя уродиной. Косметикой-то я тогда уже профессионально пользовалась. Вот и нарисовала себе всякие страсти. Вроде и незаметно — а уродина-уродиной. А потом показалась перед маменькой в таком виде. Ну, ту, понятно, удар и хватил... А вечером мне видение было — пришёл ко мне Бог и говорит: за такое твоё нехорошее поведение все тебя будут видеть такой, какой тебя видела твоя маменька перед смертью — кроме тех, кто меня видел, ибо у них открыто видение правды, — что-то в таком роде. Ну, естественно, из дома меня погнали — кому я там нужна после такого инцидента, да ещё и с такой рожей? Так что вот так и живу. Убираюсь — есть-то что-то надо. Только вот странно мне показалось... Я же вообще к тебе пробралась, чтобы поговорить — может, скостишь наказание, а то срок-то мне придуман был — пока кто-то не влюбится, а кто ж на такую страхолюдину глаз положит? Только думала я, что народ в твоём окружении меня увидит красавицей, а не нет. А они ведь полюбовому тебя видели. Так вот и закралось подозрение... А ты и подтвердил.

Глава 9

— А что у тебя за история? — спросила она. Лири объяснил ей всё. Не умолчал и об условии возвращения к нормальной жизни. И пока говорил, не мог отвести глаз от своей новой знакомицы — Эми, так, кажется, она сказала... Но он старался, понимая, что глазеть всё-таки неприлично, да и наглазелись на неё: почему-то и уродство, и красота в высшей степени привлекают совершенно одинаковое внимание...

Когда он закончил, был уже вечер. Темнота ступила за городом, закрыла своим пологом окна. И тут сумрак ступил: в том же углу, что и двенадцать лет назад, — и явил человеческую фигуру не очень ясных очертаний — но такую же, как и двенадцать лет назад. В это время Эми и Лири уже не говорили — просто смотрели друг на друга, но появление — кого бы вы думали? — заметили одновременно, и повернулись к нему.

— Так что, дети мои, выполнилось моё условие? — полуспросил-полуответил Бог. Эми и Лири не отвечали, только крепче взялись за руки (почему-то только сейчас они заметили, что держатся за руки — казалось бы, целую вечность!)

— Ну что, к нормальной жизни? — опять полуспросил Бог. Двое закивали.

— А что для вас есть нормальная жизнь? Детство-то ваше кончилось, и давно уже...

И тут парочка поняла, что попали они впросак. Да, они мечтали о нормальной жизни. Но что это — не знали. И только теперь задумались об этом. Бог просёк ситуацию.

— Допустим, Лири поверят. И что? Он окажется на улице. Кто захочет взять себе на работу бывшего Бога — пусть даже и.о.? Или, скажем, Эми — что делать суперкрасивой девушке в этом городе? Ничего хорошего... — размышлял Бог вслух — больше не для себя, а для них двоих. Потом решил:

— А идите-ка вы... в Нирвану полным ходом!

— В Нирвану? А она — есть? — решил уточнить Лири. Он читал много всякой литературы на разные — в том числе и околорелигиозные темы. Хотя, на самом деле, ему было всё равно, куда — лишь бы с Эми. Он уже не представлял, как он жил без неё всё это время.

— Ну раз отправляю, значит — есть. Или — будет, — усмехнулся Бог. — Что, отправляемся?

— Ещё один вопрос, — уже Эми. — А все эти люди — они же верят, что Лири — Бог. А тут вдруг — раз, и нет... Это ж какой облом получается!

— Ну почему же. Скажут, что у Бога было неотложное дело, вот он и покинул телесную оболочку. А она без духа, известно, не может. Вот и всё будет один к одному. А тело уборщицы — эка невидаль! Про неё и вовсе забудут.

— Мда... а ведь в Нирване нет тел... значит, физических удовольствий не предвидится. Жаль, — вздохнул Лири.

— Ишь ты какой! — усмехнулся Бог. — Удовольствия ему подавай. Будут, будут твои «удовольствия». Можно ведь и без тел, даже лучше без них. Что ж я, изверг что ли какой?

Глава 10 (Заключение)

Утром в комнате Бога обнаружили его тело — телесную оболочку, как её называли все подряд. Рядом с ним был труп уборщицы — убогой страшной тётки, умершей от сердечного приступа. Народу объявили, что у Бога, вероятно, не было другого выхода. Люди поболтали друг с другом на эту тему — да и забыли. У них были свои проблемы, мелкие, противные, которые зудели и требовали решения, как мелкий ребёнок — конфету в магазине.

А в Нирване всё было хорошо.

Эволюция

Я — маленький червячок. Я не умею слышать, не умею видеть. Всё, что я могу — это ползти всё вперёд и вперёд, проталкивая себя сквозь землю, проталкивая землю сквозь себя... Как я завидую кроту! Он может слышать, он может говорить... Хотел бы я быть им!

Теперь я — крот. Я могу разговаривать с зайцами! О, сколько они рассказали мне, сколько они повидали... Какие же они счастливые! Я не могу, и никогда не смогу увидеть то, о чём они говорят мне, не почувствую тепло солнечных лучей, дуновения ветра... Только я и могу, что копаться в земле — и я даже не знаю, как она выглядит, какого она цвета! Хотел бы я быть на их месте, увидеть зелёные деревья и яркие цветы...

Теперь я — заяц. Как же здорово видеть, как замечательно скакать по траве! Но братья рассказали мне о волках... Вчера я видел кровь на кустах и шерсть на земле... Мне страшно. Хочу быть волком. Он ничего не боится.

Теперь я — волк. Мне нечего бояться в этом лесу. Но как же тоскливо бывает иногда по ночам, когда жёлтая луна встаёт на небе, и на её фоне летят косяки птиц. Ничего не могу я, только смотреть на них и выть, жалуясь на свою горькую долю. Хотел бы я быть птицей и улететь далеко отсюда!

Теперь я — птица. Я могу летать! Но это так сложно — быть птицей... Надо всё время думать о чём-то, надо всё время опасаться чего-то... Хорошо человеку — ему не о чем заботиться. Его гнездо — из камня, его не унесёт ветер. Его перья меняются каждый день, защищая его от холода зимой и от жары летом. Он может не бояться перелёта через океан, что унёс жизни столько моих друзей: железные крылья несут его, они не устанут, когда до земли три дня пути... Хочу быть человеком!

Теперь я — человек. Но что я могу? Я не умею слышать, я не умею видеть — я потерял это. Всё, что я могу — это ползти всё вперёд и вперёд...